

15
ЛЭЗ
В. ЛЕБЕДЕВ

"ТАЙНЫ" ПСИХИКИ БЕЗ ТАЙН

БЕСЕДЫ О МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

В. ЛЕБЕДЕВ

“ТАЙНЫ” ПСИХИКИ БЕЗ ТАЙН

**О «ТАИНСТВЕННЫХ» ЯВЛЕНИЯХ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ**

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1977**

Лебедев В. И.

ЛЗЗ «Тайны» психики без тайн. О «таинственных» явлениях человеческой психики. М., Политиздат, 1977.

88 с. (Беседы о мире и человеке).

«Видения», «голоса свыше», экстатические состояния, стигмы и другие необычные явления человеческой психики издавна были источником суеверных представлений. Не умея объяснить их, люди относили их к чудесам, которые якобы недоступны человеческому разуму.

В книге кандидата медицинских наук В. И. Лебедева рассказывается о том, как современная наука раскрывает психофизиологический механизм этих явлений, срывает с них мистический покров, освобождает от суеверий.

Книга рассчитана на самые широкие круги читателей.

л $\frac{10509-199}{079(02)-77}$ 320—77

15

ОТ АВТОРА

Тайны человеческой психики... Они всегда приковывали к себе внимание, будили воображение, порождали суеверные представления, вызывали много недоуменных вопросов и... продолжали оставаться тайной. Ничего удивительного в том нет. Психика человека оказалась для познания одной из самых труднодоступных областей. И там, где до поры до времени наука не могла сказать своего веского слова, господствовали суеверия, мистические взгляды, там ссылались на чудо, на вмешательство сверхъестественных сил.

Но процесс научного познания мира неисчерпаем. Наука всегда в постоянном поиске. Все глубже и глубже проникают пытливые исследователи и в загадочный мир человеческой психики, раскрывая его тайны. Они находят естественное объяснение многим процессам, постичь которые еще недавно представлялось невозможным. И перед научными фактами отступают суеверия, мистические представления, покоящиеся на антинаучной основе.

Автору этой работы в течение многих лет довелось заниматься проблемами авиационной и космической психологии, проводить различные эксперименты. Часто они давали ответ не только на вопросы, которые непосредственно ставились перед исследователями, но и на ряд таких, которые лежали за пределами экспериментов. Они

могли бы послужить дополнительными аргументами в естественном объяснении «таинственных» явлений человеческой психики. И именно в процессе этих исследований родилась мысль написать книгу, которая помогла бы справиться с них мистический покров.

Рвзного рода «видения», о которых столь много написано в религиозной литературе, внезапные «озарения» людей, приводившие порой к научным открытиям, к созданию выдающихся произведений литературы и искусства, стигмы, возникавшие у христианских святых,— эти и другие необычные явления и по сей день верующие люди воспринимают как нечто сверхъестественное, «божественное чудо», свидетельство непознаваемости всего того, что творит господь. А между тем подобные явления уже не содержат в себе ничего таинственного, они находят научное объяснение.

О том, как объясняет их наука, и рассказывается в этой книге. В ней речь идет далеко не о всех «таинственных» явлениях психики человека, а лишь о некоторых, которые всегда порождали суеверия, служили причиной возникновения мистических настроений. Раскрытие их психофизиологического механизма показывает, что любое пока не понятое явление не содержит в себе ничего сверхъестественного, а обусловлено земными законами. Именно на земле, а не на небе следует искать его объяснение, и тогда окажется, что нет таких тайн человеческой психики, которые не мог бы постичь человек.

ВИДЕНИЯ ОРЛЕАНСКОЙ ДЕВЫ

В памяти французского народа имя Жанны д'Арк — одно из самых любимых и славных. Жанна вдохновила и возглавила борьбу за освобождение своей родины от англичан в XV столетии.

В 17-летнем возрасте эта крестьянская девушка прониклась убеждением, что именно на нее возложена миссия поднять народ на борьбу, освободить страну от иноземцев и помочь дофину (титул наследника престола во Франции) занять трон. Нас особенно интересует то обстоятельство в ее героической судьбе, что, согласно преданию, убедили ее в этом «голоса» и «видения» святых, которые говорили ей об ее призвании.

Жанна сумела добиться аудиенции у наследника. Карл правильно понял, какой отклик может найти у народа бесстрашный порыв этой девушки, уверовавшей в свою божественную миссию. Жанна придавала божественное освящение всей освободительной войне, а для времени, в которое она жила, это

было очень важное условие. Дофин доверил ей собрать, а затем и возглавить войско, которое в сражении под Орлеаном нанесло поражение англичанам, осаждавшим город. А затем последовали новые победы. Поход на Реймс, где совершилась коронация Карла VII, стал подлинно освободительным походом. Во время коронации Жанна стояла рядом с королем.

Но в дальнейшем ее судьба сложилась трагично. В одном из сражений Жанна попала в плен, и англичане предали ее суду инквизиции. Суд обвинил ее в связи с нечистой силой и приговорил к сожжению. К тому времени это уже устраивало и Карла с его окружением.

Немногим менее чем через 500 лет (в 1920 г.) католическая церковь, которая когда-то обвинила Жанну д'Арк в колдовстве, возвела ее в пантеон святых. И конечно, церковники теперь иначе толковали «видения» Жанны, полученное ею «божественное откровение»...

Еще одно имя, которое хорошо известно в католическом мире,—имя Бернадетты Субуру из небольшого французского городка Лурда, ставшего местом паломничества миллионов людей.

Как повествуют церковные авторы, в феврале 1858 г. 14-летней Бернадетте, собиравшей хворост в общинных владениях Масабель, неожиданно явилось «чудесное видение» — молодая женщина, одетая в белое, с четками в руках, повелевшая девочке прочесть молитву, а затем исчезнувшая в золотом облаке.

Согласно церковной версии, у Бернадетты за четыре месяца было еще 18 «видений». Во время девятого «женщина в белом» указала девочке источник в гроте. А некоторое время спустя начались «чудесные исцеления» водою этого источника.

За короткое время Лурд превратился в один из центров паломничества католиков. Люди стекались туда, что-

бы почитать святыню и с надеждой найти исцеление от недугов. А церковь получала доходы, которых не приносило до той поры ни одно из «чудес». Не случайно Эмиль Золя назвал Лурд «огромным базаром», где «все продается — обедни и души».

Были ли в Лурде действительно исцеления больных? Да, были. Но они не были чудесными. Болезни, которые излечивались у грота Масабьель, носили чисто функциональный, психологический характер. В таких случаях эффективными средствами лечения являются внушение и самовнушение. Именно самсвнушение, вера в чудодейственную силу лурдского источника приводили порой к исцелениям. Сегодня таким больным не нужно отправляться в Лурд за сотни и тысячи километров: внушением успешно лечат и в клиниках. Кроме того, в Лурде даже подобные случаи исцеления чрезвычайно редки. Французский врач Тереза Вало, написавшая книгу «Лурд и иллюзии», отметила в ней, в частности: «Вместо сотен чудес, провозглашавшихся ранее каждый год, в 1950 г. были признаны только три чуда. Правда, это небольшое количество, но для меня оно еще слишком велико, поскольку эти чудеса 1950 г. совсем не кажутся мне очевидными»¹.

Ну а сами «видения» Бернадетты Субиру, «видения» и «голоса» Жанны д'Арк? Они тоже сфабрикованы, подобно лурдским чудесам? На этот вопрос сейчас трудно дать определенный ответ, но вполне допустимо, что «видения» могли иметь место.

Нетрудно предвидеть недоуменный вопрос: неужели современная наука признает возможность такого рода «видений»? Да, признает, только дает им не сверхъестественное, а естественное объяснение.

Цит. по: **Збигнев Столярек**. «Город чудес». М., 1961, стр. 80.

Современная психиатрия считает, что такого рода «видения» могут быть обусловлены нервно-психическим заболеванием — истерией — и квалифицирует их как галлюцинации. Галлюцинации — это мнимые восприятия зрения, слуха, осязания, возникающие без наличия соответствующего реального объекта, но которые человек принимает за достоверную реальность. Галлюцинации являются симптомом психического расстройства. Однако в ряде случаев они возникают и у вполне здоровых людей. Не одни только больные могут рассказать о случившихся встречах с «привидениями», подобных историй описано в литературе множество. Да, кое-кому являлись «привидения», и эти случаи вполне убедительно объясняются наукой.

1. Встреча с привидением

В недалеком прошлом (еще в конце минувшего — начале нынешнего века) о «привидениях» широко сообщала пресса, в их реальное существование верило большинство людей, а церковники, конечно, поддерживали эти наивные представления, ибо они подтверждали, что помимо земного существует и загробный мир, мир потусторонних сил.

Ну что касается верующих, непрестанно ожидающих какого-то «чуда», — это понятно. Однако с «привидениями» приходилось встречаться и людям, далеким от религии, отвергающим суеверные представления.

В 1956 г. немецкий врач Хансен Линдеман на лодке в одиночестве вторично переплыл Атлантический океан. В начале девятой недели своего путешествия в полусне он неожиданно увидел лайнер. Матросы спустили с лайнера шлюпку, в нее прыгнул молодой негр и поплыл к нему

навстречу. А дальше началось совершенно невообразимое. Внезапно откуда-то вынырнула черная лошадь и увлекла за собой шлюпку. На 66-й день Линдеман ночью увидел огни, напоминающие ночной портовый город. Потом появился мальчик-негр в резиновой лодке. «Видения» исчезали не сразу, требовались немалые усилия воли, чтобы возвратилось ясное сознание.

С необычными явлениями сталкивались и космонавты. В дневнике В. Волкова мы находим следующую запись: «Слежу за приборами, иногда бросаю взгляд через иллюминаторы на летящую в темноте Землю. В шлемофонах характерное потрескивание эфира. Как будто большой и невидимый человек задышал у тебя над ухом. Какой-то таинственный и непонятный... Внизу летела земная ночь. И вдруг из этой ночи... оттуда донесся лай собаки. Обыкновенной собаки, может, даже простой дворняжки. Показалось? Напряг весь свой слух, вызвал к памяти земные голоса — точно: лаяла собака... А потом... стал отчетливо слышен плач ребенка. И какие-то голоса. И снова совсем земной плач ребенка»¹.

Радисты наземных станций управления полетом, прослушивая эфир на этих же волнах, никакого лая собаки и плача ребенка не слышали.

Во время первого международного конгресса по экспериментальной психологии, состоявшегося в 1889 г. в Париже, было разослано разным лицам большое число опросных листов с целью получить точный материал о том, какое значение имеют галлюцинации в возникновении суеверных представлений. Было получено 27 тысяч ответов, из них свыше 3 тысяч (около 12%) содержали сведения о людях, которые, находясь в нормальном со-

---

¹ В. Волков. Шагаем в небо. М., 1973, стр. 137—138.

стоянии, один или несколько раз пережили галлюцинации.

Автор в 1970 г. опросил 14 механизаторов одного из целинных совхозов Алтайского края. Трое из них во время вспашки земли, когда приходилось работать по 12 и более часов в сутки в безбрежных степях Кулунды, пережили необычные психические состояния. Одному показалось, что перед трактором внезапно разверзлась пропасть, и он был вынужден остановить машину. Второй в степи увидел деревенскую свадьбу. При работающем двигателе он ясно слышал музыку и песни. Это первое, что поразило тракториста. Когда он подъехал ближе, свадьба исчезла. Любопытно, что возникшее «наваждение» они объясняли по-разному. Некоторые убежденно говорили, что «тут что-то есть», явно связывая эти явления с существованием сверхъестественного.

Встречи с «привидениями», которые впоследствии оказывались нереальными, «таинственные голоса» имеют ту же основу, что и «видения» Жанны д'Арк и Бернадетты Сублиру.

Чтобы разобраться в психофизиологических механизмах этих явлений, сделаем небольшой экскурс в область психологии мышления.

Экспериментальный вольер. На высоте примерно 4 метров подвешена сочная, ароматная груша. На полу разбросаны ящики различной величины. В вольер впускают голодную обезьяну по кличке Рафаэль. Рафаэль знакомится с ситуацией и начинает из ящиков возводить пирамиду. Вначале обезьяна берет маленький ящик и на него пытается ставить большой — не получается. В результате проб и ошибок Рафаэль построил устойчивую пирамиду и был вознагражден вкусной грушей.

Подобная сообразительность — это своего рода конкретное мышление, мышление в действии. Оно вплетено

в реальную действительность и осуществляется, образно выражаясь, «руками» обезьяны. Мы непосредственно видим, как в процессе манипулирования с ящиками на основе проб и ошибок у обезьяны образуется опыт. На наших глазах строятся целые цепи ассоциаций, ведущие к решению задачи, и отбрасываются тупиковые.

Человек же в аналогичной ситуации вначале манипулирует ящиками в своем воображении. Нетрудно догадаться, что комбинировать образами в воображении значительно легче, чем перемещать ящики руками. Да и времени тратится значительно меньше. И только после того, как человек построит пирамиду в своем сознании, то есть идеально, он приступает к воплощению ее в реальность.

Способность комбинировать образами возникает у человека не сразу, она развивается постепенно. Если мы проследим психическое развитие ребенка, то увидим, что до трех лет его мышление является в основном наглядно-действенным. Чтобы понять предмет, он должен разоб-
раться в нем. Именно поэтому дети часто ломают игрушки.

В возрасте примерно от четырех до семи лет мышление у ребенка становится наглядно-образным. Хотя связь мышления с практическими действиями сохраняется, но она уже не такая непосредственная, как раньше. Теперь в процессе познания ребенку далеко не всегда требуется практически действовать с предметами, но во всех случаях ему необходимо отчетливо воспринимать и наглядно представлять все объекты, которые он анализирует и синтезирует.

С развитием воображения дети начинают оперировать образами тех или иных объектов без непосредственного их восприятия. В некоторых случаях вспоминаемые образы могут достигать вещной убедительности. Это явление в психологии носит название эйдети́зма («эйдос» в

переводе с древнегреческого означает «образ»). Вот один из примеров.

У мальчика К. с семи лет все образы и воспоминания были эйдетическими. Когда он думал о людях, картинах природы, о прочитанных книгах, то отчетливо видел их в своем воображении. Эйдетизм в определенном смысле помогал ему учиться по географии, естествознанию и другим предметам. Ему достаточно было один раз прочитать заданный текст, чтобы во время ответа в школе «видеть» нужные страницы и «читать» их. Учитель, естественно, не мог догадаться, какой «шпаргалкой» пользуется его ученик.

Мыслительная деятельность взрослого человека существенно связана не только с чувственным познанием, но и с языком и речью. С помощью языка человек перерабатывает чувственные представления в понятия. И. П. Павлов писал, что слова стали «обозначать все, что люди непосредственно воспринимали как из внешнего, так и из своего внутреннего мира, и употреблялись ими не только при взаимном общении, но и наедине с самим собой»¹. Какие бы мысли ни возникали в голове человека, они возникают и существуют на базе языкового материала. На базе языковых терминов и фраз у человека появляются абстрактные понятия, отражающие общие, существенные признаки предметов и явлений реального мира. Мышление понятиями у взрослого человека в какой-то степени оттесняет образные представления. Однако случается, что очень яркие образы могут возникать и в зрелом возрасте. Эйдетизм у взрослых может служить предпосылкой к художественному творчеству.

О значении эйдетических представлений для писательского труда писал К. Г. Паустовский: «Я вспоминал не по-

---

И. П. Павлов. Полн. собр. соч., т. III, кн. 2. М.— Л., 1951, стр. 245.

следовательное течение жизни, а отдельные, если можно так выразиться, ее рубрики. То я начинал вспоминать все гостиницы... где я останавливался, то все реки, какие видел за свою жизнь, все морские пароходы, на которых мне приходилось плавать, или всех девушек, которых я мог бы, как мне думалось, полюбить. Пристрастие к этим воспоминаниям было совсем не таким бессмысленным, как мне сначала казалось. Когда я вспоминал, например, гостиницы, я вызывал у себя в памяти все мелочи, связанные с ними,—цвет затертых дорожек в коридорах, рисунок обоев, гостиничные запахи и олеографии, лица гостиничных девушек и их манеру говорить, затасканную гнутую мебель,—все, вплоть до чернильницы из похожего по цвету на мокрый сахар уральского камня, где никогда не было чернил и лежали совершенно высохшие мушиные трупы. Вспоминая, я старался все это увидеть как бы вновь. И только потом, когда я начал писать, я понял, что такого рода воспоминания очень помогли мне в работе. Они приучили память к конкретности, полной зримости, к переживанию заново уже пережитого и накопили большой запас отдельных частных. Из него я потом мог выбирать то, что было мне нужно»¹.

И. А. Гончаров о процессе творчества писал: «...лица не дают покоя, пристают, позируют в сценах, я слышу отрывки их разговоров — и мне часто казалось, прости господи, что я это не выдумываю, а что это все носится в воздухе около меня и мне только надо смотреть и вдумываться»².

Английскому художнику Д. Рейнольдсу для создания портрета нужен был только один сеанс с оригинала. В дальнейшем он работал по памяти. «Когда передо мной

---

¹ К. Паустовский. Собр. соч., т. 4. М., 1968, стр. 684—685.

² И. А. Гончаров. Собр. соч., т. 8. М., 1955, стр. 71.

являлся оригинал,— объяснял он,— я рассматривал его внимательно в продолжение получаса, набрасывая время от времени его черты на полотно; более продолжительного сеанса мне не требовалось. Я убирал полотно и переходил к другому лицу. Когда я хотел продолжать первый портрет, я мысленно сажал этого человека на стул и видел его так ясно, как если бы он был передо мной в действительности; могу даже сказать, что форма и окраска были более резкими и живыми. Некоторое время я вглядывался в воображаемую фигуру и принимался ее рисовать; я прерывал свою работу, чтобы рассмотреть позу, совершенно так же, как если бы оригинал сидел передо мной, и всякий раз, как я бросал взгляд на стул, я видел человека»¹. Если кто-нибудь из посетителей студии случайно оказывался между пустым креслом и художником, тот обращался с просьбой отойти в сторону, чтобы не заслонять «натурщика».

Современник английского поэта и художника Уильяма Блейка, жившего с 1757 по 1827 г., сообщает следующее. Однажды он зашел к Блейку вечером и застал его за работой. Художник писал картину с изображением библейского Лотта. Писал ее с большим усердием человека, перед которым сидит капризный натурщик. Он вглядывался в пустое место и рисовал. Когда вошедший заговорил с художником, тот остановил его словами:

«— Не мешайте, мне тут один позирует.

— Позирует Вам? — воскликнул посетитель удивленно.— Где же он и кто он такой? Я решительно ничего не вижу!

Цит. по: А. М. Вайн, Б. И. Каменецкая. Память человека. М., 1973, стр. 102—103.

— Но я зато его вижу,— ответил Блейк.— Он здесь, его имя Лотт. Вы, может, о нем читали в святом писании?»¹

Предания, которые дошли до нас, рассказывают, что для «свидания» со своими «видениями» Жанна д'Арк удалялась в укромные места. Перед их появлением девушка пребывала длительное время в напряжении. Эмиль Золя, описывая появление «видений» у Бернадетты Субиру в романе «Лурд», проводит мысль об одиночестве, в котором постоянно находилась в детстве будущая «святая». Она «по целым месяцам бродила со своим стадом... не встречая ни души... Сколько часов провела она на заросших травой холмах, затерявшись в зелени таинственной листвы, не видя ни души и глядя лишь на вершины отдаленных гор, тающих в солнечном свете, легких, как сон! Дни шли за днями, девочка блуждала в одиночестве, повторяя все ту же молитву, непрестанно взывая к единственному своему другу — святой деве»².

Случайные совпадения? Нет, не случайные. Между изоляцией, одиночеством человека и «видениями» имеется определенная связь.

2. Сурдокамера и кепья отшельника

Зарубежные ученые, изучавшие поведение летчиков в высотных одноместных самолетах, установили, что на высотах 10—25 тысяч метров и выше 35% пилотов переживают своеобразное чувство оторванности от Земли. Часть из них отзывалось о нем как об «особом состоянии ликования, желании бесконечно продолжать полет». Вот

---

¹ См. Г. В. Сегалин. Сдвиги психозвротической пропорции гениальности. «Клинический архив гениальности и одаренности», 1925, т. I, вып. 4.

² Э. Золя. Собр. соч., т. 17. М., 1957, стр. 66—67.

как описал это состояние американский врач Д. Саймонс, который с экспериментальной целью в 1957 г. на воздушном шаре поднялся на высоту 30 километров: «На второй день пребывания на шаре я внезапно почувствовал, словно бы я должен подняться в космос, как будто бы я уже принадлежу космосу. Все чувственные связи и интересы, притягивающие меня к Земле, словно бы были разорваны, и я целиком слился с пустотой пространства надомной».

Зато другие испытали нечто иное. Чувство оторванности, отрешенности в некоторых случаях сопровождалось дезориентацией в пространстве и галлюцинациями. Одно из самых первых описаний галлюцинаторных переживаний во время полета относится к 1928 г., когда большая группа летчиков участвовала в спасении членов экспедиции дирижабля «Италия», потерпевшего катастрофу в полярных пустынях Арктики. Шведский летчик Лундборг во время полета отчетливо увидел человека, сидящего на глыбе льда. «Это было недалеко от мыса Северного,— рассказывал он.— Вероятно, Мальмгрен, подумал я, но мне не пришло в голову, что, если бы это был человек, он, конечно, махал бы мне чем-нибудь. Я тотчас снизился, но фигура внезапно расплылась»¹.

Чувство оторванности от Земли и возникновение галлюцинаций объясняются резким уменьшением раздражителей, действующих на органы чувств человека. Ведь в обычной жизни на Земле перед взором человека, как правило, проходят разнообразные картины природы и творения рук человеческих. Всевозможные звуки создают постоянный звуковой фон. Кожа ощущает изменения температуры и движение воздуха. Все эти раздражители,

---

¹ Цит. по: Ф. Бегоунк. Трагедия в Ледовитом океане. М., 1962, стр. 194.

трансформируясь в нервные импульсы, поступают в мозг. Но осознаются далеко не все. И в этом, вообще говоря, нет беды. Более того, неосознанные раздражители необходимы для нормального функционирования мозга. Они служат источником для импульсации подкорковых образований, которые обеспечивают наилучшее восприятие окружающей действительности. Однообразные раздражители, то есть монотонность (с чем сталкиваются летчики при высотных полетах или над снежными пустынями, трактористы, работающие в степях, моряки в одиночных плаваниях и т. д.), резко снижают энергетический уровень (тонус) коры головного мозга, что в некоторых случаях и вызывает нарушение психических функций.

Монотонность особенно ощущается в условиях космического полета. Когда двигатели перестают работать, космонавты оказываются почти в полном безмолвии. Вот как описал космическую тишину во время полета А. Г. Николаев: «В полете мы быстро привыкли к негромким монотонным шумам работы приборов, электродвигателей, вентиляторов, регенерационной установки, холодильно-сушильного агрегата и бортовых часов. По характерным звукам определяли прохождение команд от программно-временного устройства... Скоро по этим характерным звукам мы могли четко анализировать работу различных систем корабля»¹. И не случайно в космической психологии возникло понятие «сенсорного (чувственного) голода», характеризующее острый недостаток раздражителей. Вот почему в период подготовки первых полетов человека в космос перед наукой встала задача во всей полноте изучить влияние «сенсорного голода» на психические функции и работоспособность космонавтов.

Для изучения этой проблемы зарубежные исследова-

---

¹ А. Николаев. Космос — дорога без конца. М., 1974, стр. 109.

тели помещали испытуемых в особые боксы на удобные кушетки. На глаза им надевали очки, рассеивающие свет, на уши — аудиофоны, не позволяющие слышать даже собственную речь, на руки — футляры, исключающие осязательные восприятия. Эти эксперименты получили название «строгой сенсорной депривации». В исследованиях советских ученых применялись специальные помещения, не пропускающие звуков, так называемые сурдокамеры.

В опытах со строгой сенсорной изоляцией у большинства испытуемых через несколько часов возникают различные галлюцинации. Один из испытуемых «увидел процессию белок, марширующих по снежному полю с мешками через плечо». Другой — «ряд маленьких желтых людей с надетыми черными кепками и открытыми ртами». Третьему «предстала обнаженная женщина, плавающая в пруду». Четвертый утверждал, что он «видел поле ядовитых золотых грибов, на ножке одного из которых отражался солнечный свет».

Необычные психические состояния возникали также и в имитаторах космических кораблей. В этих экспериментах американских ученых чаще всего участвовали летчики-испытатели, которые по ходу опыта выполняли конкретные профессиональные операции. Один из летчиков во время «полета», который продолжался 30 часов, стал видеть телевизор плавающим в состоянии невесомости, а среди приборов управления он «увидел» какие-то незнакомые лица. Другого пилота уже в конце эксперимента охватил панический ужас: на его глазах приборная доска начала «таять и капать на пол». Третий жаловался на расплывчатое изображение на экране телевизора, хотя экран в это время был совершенно чист.

В одном из экспериментов, проведенных в сурдокамере советским ученым В. И. Мясниковым, участвовал

корреспондент. В своем дневнике на четвертые сутки он записал: «Итак, как я себя чувствую? Временами доволен, временами — тоскливо. Какая-то внутренняя настроенность, которая проявляется в том, что все время прислушиваюсь... При этом хорошо вспоминаются знакомые мелодии. Они иногда помимо воли лезут в уши. Слушаю «Прелюды» Рахманинова, музыку Брамса, Равеля (концерт для скрипки с оркестром) и, разумеется, мощного Бетховена. Такого чистого Бетховена я давно не слышал. А тут лежу «утром», вставать лень, а в ушах Девятая симфония Бетховена в немецком исполнении. Непередаваемое наслаждение. Слушая Рахманинова... вдруг отчетливо увидел всю обстановку Большого зала консерватории и даже услышал голос женщины-конферансье. Еще легче идут голосовые пьесы, любимые арии и романсы, и прямо-таки буйным мусором кружатся наскучившие обрывки мешанины из танцевальных веранд городов-курортов. Прямо преследуют. Одно от них спасение — начиная прислушиваться к возможным шумам в камере, — всякое звучание любой музыки «внутри меня» прекращается». Внезапное включение дистанционной фокусировки телевизионной камеры испугало корреспондента и породило неожиданную ассоциацию. Вдруг представилась... лесоразработка в Прикарпатье. Причем поразила яркость возникшего представления работающей пилы и треска падающего дерева.

Подобные явления в условиях изоляции наблюдались и нами (сурдокамерные исследования проводились автором совместно с О. Н. Кузнецовым). Один из наших испытуемых свои переживания описал следующим образом: «Вспоминаю ясно острые моменты в жизни, но также моменты, которые я в обычной жизни, может быть, никогда и не вспомнил. Иногда стараешься избавиться от этого, и вдруг — раз, наплывает. Образы родственников всплы-

вали неожиданно ясно и выражались конкретно. Вижу так, как будто стоит сейчас и улыбается».

Во всех приведенных случаях экспериментальной изоляции мы имеем дело с эйдетическими представлениями. При их возникновении человек, свободный от суеверий, понимает, что они являются плодом его воображения. А вот суеверные люди, равно как и люди с большой психикой, к своим галлюцинаторным образам в большинстве случаев относятся некритически. Жанна д'Арк и Бернадетта Субиру, фанатично верившие в бога, в возможность «чуда», наверняка не сомневались в своих «видениях». Что же касается Бернадетты, то известно, что она была болезненным ребенком с запоздалым умственным развитием.

Зададимся вопросом: почему изоляция и одиночество способствуют появлению эйдетических представлений и разного рода «видений»?

Помимо того, что человек обычно думает в понятийной форме на базе речи, его органы чувств принимают большой поток впечатлений из внешнего мира. Все это подавляет яркость вспоминаемых образов: они кажутся нам бледными тенями в сравнении с реальной действительностью. В условиях же изоляции, когда устраняется «конкуренция» живой действительности и изменяется энергетический уровень коры головного мозга, вспоминаемые образы достигают вещной реальности. «Мечтать образами,— писал И. М. Сеченов,— как известно, всего лучше в темноте и совершенной тишине. В шумной, ярко освещенной комнате мечтать образами может разве только помешанный, да человек, страдающий зрительными галлюцинациями...»¹ Эйдетические представления

---

¹ И. М. Сеченов, И. П. Павлов, Н. Е. Введенский. Физиология нервной системы. Избранные труды, вып. I. М., 1952, стр. 210.

при определенных условиях могут перейти в зрительные галлюцинации.

С давних времен наиболее фанатичные верующие прибегали к самоизоляции. Так называемые подвижники удалялись в подземелья, кельи и пустынные места, вели отшельническую жизнь. В этих условиях им являлись различные «видения», они слышали таинственные «голоса» и верили, что испытывают общение с силами небесными.

В условиях изоляции человек получает возможность сосредоточиться на одной идее. Его физическая и психическая активность подавляется. Внешние факторы не нарушают его сосредоточенности, которая имеет одну определенную направленность.

Показательно, что к самоизоляции прибегали многие художники, писатели, композиторы в своей творческой работе. Французский писатель М. Пруст страдал астмой. С развитием болезни даже шум стал вызывать приступы удушья. Для звукоизоляции стены комнаты, где он работал, были обиты пробковыми пластинами. Но годы вынужденного отшельничества оказались самыми плодотворными для него в творческом отношении. И вероятно, необыкновенной яркости и подробности воспоминания ему помогла достичь тишина. Художник Айвазовский обычно рисовал свои картины на морские сюжеты в комнате, небольшое окно которой выходило не на море, а в тихий двор его большого дома. Бальзак обычно работал ночью с наглухо занавешенными окнами. «Только к вечеру мозг обогащается полноценными мыслями,— писал он.— Все приходит в движение, начинается восхитительная и бешеная работа. Отсутствие зрительных впечатлений позволяет расти в сумерках всем чудовищным образам, родившимся за день. К ночи они становятся огромными, сильными и самостоятель-

ными»¹. Чайковский во время творческой работы нуждался в полном уединении и тишине. Он пишет: «В течение нескольких часов я не должен видеть ни души и знать, что и меня никто не видит и не слышит»².

В наших исследованиях экспериментальная тишина как бы сама по себе склоняла испытуемых к творчеству.

Они начинали «видеть» в салфетках, комках ваты причудливых зверюшек. Используя куски проволоки из вышедших из строя электрофизиологических датчиков, они делали различные игрушки. Заметив это, мы стали до начала эксперимента «подбрасывать» в сурдокамеру чурбачки, замысловатые корни деревьев. Вот отрывок из дневника одного из испытуемых: «В первые дни этот корень не привлекал моего внимания. Когда я его стал рассматривать на третий день эксперимента, он мне показался весьма забавным. В воображении возникли какие-то животные, которые карабкаются на дерево. Но что это за звери — ясного представления не было. Спустя какое-то время я отчетливо увидел двух обезьян, которых преследуют хищный дракон и большая кошка. Может быть, пантера или рысь. Вся композиция родилась в воображении как бы сама собой. Я настолько отчетливо видел этих животных, что «высвободить» их с помощью ножа уже не представило больших затруднений».

Эйдетические представления художников — это не хаотически неуправляемая игра воображения, а сознательное создание художественных ценностей, отражающих сокровенные идеи авторов. В отличие от воображения художников, экстаз религиозных фанатиков уводит

---

¹ Цит. по: В. А. Гиляровский. Учение о галлюцинациях. М., 1949, стр. 130.

² Цит. по: Г. В. Сегалин. Диссоциативные симптомы Эвр со стороны интеллектуальной сферы. «Клинический архив гениальности и одаренности», 1926, т. 2, вып. 1.

от реальности к мистическим «видениям», к галлюцинированию и к развитию психоза.

Эйдетические представления в настоящее время могут быть вызваны исследователями в эксперименте, что полностью снимает ореол мистичности с этих явлений. Но у читателя может возникнуть вопрос: почему у религиозных людей «видения» бывают в образе святых, чертей и т. д.? На этот вопрос мы и ответим в следующем разделе.

3. Истина глаголет устами младенцев

Особенно сильное воздействие изоляция и одиночество оказывают на незрелую детскую психику. Это также использовалось и используется в религиозных целях. По свидетельству американского психолога Ч. Броунфильда, в ритуал инициаций (посвящения юношей в разряд взрослых) у некоторых американских индейских племен обязательно входит одиночество. Юношей изолируют от внешнего мира. Некоторый период они остаются совсем одни. При этом молодые люди часто галлюцинируют или испытывают другие необычные психические состояния, что объявляется их «приобщением к божеству», к сверхъестественным силам.

Из дошедших до нас свидетельств известно, что Жанна д'Арк слышала таинственные «голоса» преимущественно тогда, когда до нее доносился колокольный звон отдаленной церкви. А как показали эксперименты, проведенные в сурдокамере, галлюцинации возникают лучше на фоне какого-нибудь монотонного шума или ритмических звуков.

В сурдокамеру, где находился испытуемый С-ев, приглушенно передавались различные звуки, о восприятии

которых он должен был в форме репортажа сообщать экспериментаторам. В ряде случаев, когда С-ев был осведомлен о происходящем за пределами камеры, он достаточно точно определял значение этих шумов. Но когда их источник был ему неясен, у него возникали иллюзии. Шум работающего электромотора в аппаратной он мог воспринять как магнитофонное воспроизведение песен в исполнении Робертино Лоретти. В реальности воспринятого он был твердо убежден.

Не менее интересные явления пережил в условиях длительной изоляции врач Б-ов. Приводим выдержку из его дневника: «Несколько дней назад перед сном у меня вдруг возникли какие-то слуховые галлюцинации. Я испугался: сразу в голову полезли мысли о шизофрении, раздвоении личности, что симптомом этого заболевания могут быть как раз слуховые галлюцинации... Только начал «проваливаться» в бездну сна — вновь эта музыка. Теперь я стал внимательнее прислушиваться к ней. Это была какая-то заунывная, но довольно приятная мелодия, которая то восходила на очень высокие тона, то опускалась на самые низкие. Она, пожалуй, напоминала музыку, которую называют «космической» или даже цветомузыку. Но мелодия была мне очень приятна... Что же это? Плод больной фантазии или реальность? Не могу ответить. Могу сказать только, что все эти явления, возможно, вызваны шумом работающего вентилятора».

Испытатель Е-ко в своем дневнике записал следующее: «И вот еще что. Уже целый месяц я слышу в нашей абсолютно звуконепроницаемой камере по ночам, в полной тишине, голоса, музыку, пение Козловского, хор, визг, завывание, возню животных в вентиляционной трубе (где работал вентилятор.— В. Л.)... Я лежал с открытыми глазами, стараясь отогнать звуковые привидения — ничего не получалось».

У этих испытателей музыкальные представления развились на фоне шума работающего вентилятора. Сначала шум мешал им, потом стал «нейтрализоваться» наслаиванием музыкальных представлений. Нечто подобное испытывает каждый из нас в поезде, когда под стук колес в голове возникают различные мелодии, хотя мы их никак не связываем с ритмичным стуком колес.

Такая иллюзия вообще характерна для слуховых эйдетических представлений и галлюцинаций. Об этом знают, например, композиторы, у которых в момент вдохновения музыкальные образы как бы отчуждаются, становятся независимыми от творящего их сознания. Французский композитор Шарль Гуно писал: «Я слышу пение моих героев с такой же ясностью, как я вижу окружающие меня предметы, и эта ясность повергает меня в род блаженства... Я провожу целые часы, слушая Ромео, или Джульетту, или фра Лоренцо, или другое действующее лицо и веря, что я их целый час слушал»¹.

Каков же психологический механизм этого явления, когда, как говорят ученые, при наличии раздражителей с недостаточной информативной характеристикой у человека возникают иллюзорные восприятия?

Органы чувств живого существа не просто окна для произвольного приема информации, но тончайшие приборы непрерывного слежения, исследования и отбора существенных для него явлений в окружающей среде. Поступающие из внешнего мира сигналы попадают не на «чистую доску» нервной системы, а на готовую программу встречи и реагирования. Информация сопоставляется с той, что уже хранится в памяти. Необученная сенсорная

---

¹ Цит. по: Б. М. Теплов. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961, стр. 175.

(чувственная) система, получая огромное количество сведений, остается слепой, так как не имеет критериев для выделения полезных сигналов из шума.

Процесс отражения, как указывает известный советский психолог А. Н. Леонтьев, является «результатом не воздействия, а взаимодействия, то есть результатом процессов, идущих как бы навстречу друг другу. Один из них есть процесс воздействия объекта на живую систему, другой — активность самой системы по отношению к воздействующему объекту»¹. В тех же случаях, когда данных о каком-либо объекте не хватает, процесс анализа и синтеза сигналов из окружающей среды дополняется вероятностным «конструированием» с «наслаиванием» или «вынесением наружу» своих представлений, соответствующих предполагаемому объекту. В ряде случаев «вынесенное наружу» (спроецированное) представление может не соответствовать реальному объекту, но субъективно человек убежден в подлинности воспринятого.

Однако вернемся к Орлеанской деве и Бернадетте Субиру. Чтобы в воображении подростка или взрослого возникли «видения» именно религиозного характера, необходимо создать определенную установку. Соответствие религиозной установки Жанны д'Арк и характера ее религиозно-фантастических видений отчетливо прослежено учеными. На родине Жанны шла война. Она росла в атмосфере народных преданий, рассказов о «чудесных видениях» у святых и мучеников. Крестьянское население было запугано и суеверно. А. Франс пишет о том, что на родине Жанны — в Домреми из уст в уста передавалось сказание, что женщина погубит Францию, но дева спасет ее. По преданию, девушка должна была прийти из Лота-

---

¹ А. А. Леонтьев. Понятие отражения и его значение для психологии.— «Вопросы психологии», 1966, № 12, стр. 53.

рингии, из седого леса Шеню, окружавшего окрестности Домреми. В женщине, погубившей Францию, многие видели французскую королеву Изабо, предавшую страну и отступившуюся от сына — наследника престола¹.

Жанна была очень религиозна, склонна к фантазиям и мистике. Ребенком она часто приходила в церковь, когда там не было службы, чтобы поглядеть на лики святых, изображенных на иконах. Ее неизменным героем был святой Михаил — в рыцарских доспехах и пронзающий мечом дракона.

Не менее определенно создавалась установка на восприятие «видений» религиозного содержания у Бернадетты Субиру. Она не выпускала из рук молитвенника, как только научилась читать, любила слушать рассказы священника о жизни святых. Во Франции это был период усиленного насаждения культа девы Марии и своего рода «моды» на «видения», так что у Бернадетты и до и после ее «чуда» в округе было множество конкурентов. Первые «видения» Бернадетты были очень неопределенными (увидела «что-то белое»), но со временем ее фантазия довершила образ. Ее сопровождали к гроту подружки, а позднее и даже кое-кто из представителей властей, но, разумеется, кроме нее никто ничего не видел.

В возникновении подобных «видений» решающее значение имеет эмоциональное состояние человека. Вспомним «привидения» немецкого врача Линдемана и шведского летчика Лундборга. Первый страстно ждал, когда же наконец появится долгожданный берег, второй хотел найти в ледяной пустыне Арктики уцелевших участников экспедиции генерала Нобиле. У Линдемана соотвествующая установка обусловила восприятие океан-

---

¹ См.: А. Франс. Полн. собр. соч., XIV. М.—Л., 1928, стр. 205.

ского лайнера и ночного порта, а у Лундборга — человеческой фигуры, сидящей на глыбе льда.

Зависимость восприятия от общего психического состояния человека, его знаний и установки называют апперцепцией. Она обеспечивает избирательность и осмысленность восприятия, но как побочные явления может вызвать иллюзии и галлюцинации.

Как-то на одной из лекций в клубе рабочего поселка Михайловка Алтайского края я получил записку следующего содержания: «Вы очень понятно объяснили появление религиозных видений у Жанны д'Арк. Но как можно объяснить, что безграмотная деревенская девушка возглавила армию и с опытностью полководца нанесла сокрушительные удары захватчикам?»

Несомненно, у Жанны д'Арк было бесстрашное сердце. Патриотические побуждения воспринимались экзальтированной и религиозной девушкой как веления свыше, как указания ее любимых святых. Но дело не только в этом. Ее действия внушались и вполне реальными людьми, которые до поры и времени оставались за ее спиной. Исторические исследования выявили тех, кто в действительности руководили Жанной, используя ее как орудие в достижении своих целей. «Голоса», которые она слышала, вторили политическим взглядам этих людей. Следует также вспомнить, что, когда она выполнила свою историческую миссию, ее убрали с политической арены. Но в пламени костра инквизиции еще раз родилась уже бессмертная Жанна д'Арк — национальная героиня Франции.

ОЗАРЕНИЕ

В восторженном самозабвенном состоянии, которое называют экстазом, человек, как утверждают теологи, реализует свою способность к непосредственному общению с «потусторонним миром», когда «вечные истины» постигают не с помощью разума, а в сверхъестественном озарении. С давних пор было замечено, что такое озарение имеет аналог в научном и художественном творчестве. Всемирно известный немецкий математик К. Ф. Гаусс писал: «Наконец несколько дней тому назад я преуспел, но не благодаря моим мучительным исканиям, а по божьей милости, я бы сказал. Как ударяет молния, так была решена и загадка, я бы сам был не в состоянии доказать связь между тем, что знал раньше, и последними своими опытами, а также найти способ решения»¹.

В подобных случаях «озарения» мы имеем дело с

¹ Цит. по: М. Арнвудов. Психология литературного творчества. М., 1970, стр. 355.

подсознательной или с интуитивной деятельностью мозга. Она издавна ставилась в ряд так называемых мировых загадок и привлекала внимание прежде всего своей таинственностью. «Нужно подумать, это серьезная вещь»¹, — сказал И. П. Павлов при обсуждении проблемы интуиции.

Интерес к подсознательной деятельности мозга возрос в наше время в связи с потребностями новой науки, изучающей закономерности продуктивного, творческого или — если употребить термин, идущий еще со времен Архимеда, — эвристической (от древнегреческого «эврика» — «я нашел») деятельности. Опрос 232 американских ученых показал, что к 83% из них решение той или иной проблемы пришло как неожиданная вспышка интуиции. В задачу эвристики входит не только познание закономерностей творческого мышления, но и разработка методов управления творческими процессами.

Так в чем же состоят механизмы подсознательной деятельности человеческого мозга, обуславливающие феномен «озарения»?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, обратимся к свидетельствам и фактам.

1. «Божественные истины», открывшиеся башмачнику

История знает немало случаев, когда фанатично верующим людям в состоянии экстаза открывались «божественные истины». Среди них были такие откровения, память о которых живет до настоящего времени, поддерживая веру мистически настроенных людей в возможность постигать в этом состоянии «вечные тайны», прибавляться к «тайнам бытия». В качестве примера можно привести колоритную фигуру немецкого философа-мистика Якоба Бёме (1575—1624).

---

¹ «Павловские среды», т. II. М.— Л., 1949, стр. 227.

Однажды глубоко верующий Якоб Бёме рассматривал дома оловянную посуду, разукрашенную замысловатыми фигурами. И вдруг, «дойдя до созерцательного состояния и исторжения своего астрального духа», как в последующем писал Бёме, он был введен в «средоточие сокровенной природы» и в «свет божественного существа». Это было в 1600 г.

Через 10 лет он снова впадает в религиозный экстаз. И если в первых озарениях его интуиции носили хаотический характер, то на этот раз все пришло в стройную систему, слилось воедино, и он «узрел божественный порядок вещей», «начало начал». «Божественные откровения» переполнили его душу, и он начинает писать книгу «Аврора, или Утренняя заря в восхождении...», содержание которой, как он утверждал, было «продиктовано самим богом».

«Я созерцал необъятную глубину этого мира,— писал Бёме,— наблюдал за солнцем, звездами, облаками, дождем и снегом, представлял себе мысленно все творение этого мира и находил добро и зло, любовь и гнев во всем — не только в людях и животных, но и в неразумной твари: в дереве, земле и стихиях... Я убедился, что добро и зло присуще всему: не только тварям, но и стихиям». За первой книгой Бёме пишет вторую, третью... Он создает своеобразное учение о бытии как таковом и самобытную теорию познания. На всех страницах его произведений можно видеть, как религиозную душу философа терзает «проклятый» вопрос: как совместить истинную картину мира с идеей бога?

Мы здесь не будем рассматривать мировоззрение Бёме и анализировать его трактаты¹, а укажем только,

---

¹ Об этом см. подробнее: И. Н. Неманов, М. А. Рожнова, В. Е. Рожнов. Когда духи показывают когти. М., 1969 (приведенные тексты Бёме цитированы по этой книге, стр. 33—34).

что многих крупных мыслителей последующих веков поражали его мысли и «откровения». Гегель в своих «Лекциях по истории философии» подчеркивал безыскусность его трудов, «то достоинство, что здесь все налично, что он во всем, что говорит, исходит из своей действительности, из своей души»¹. Людвиг Фейербах пишет: «У Якова Бёме — глубокая, глубоко-религиозная душа... Но в то же время в его религиозное сознание проникло то значение природы, которое она приобрела за последнее время благодаря изучению естественных наук...»²

А. И. Герцен в «Письмах об изучении природы» изумлялся: «Его вдохновенное, мистическое созерцание, истекавшее из святого источника, привело его к воззрению такой необъятной ширины, о которой наука его времени не смела мечтать,— к таким истинам, которые человечество узнало вчера, а Бём жил с лишком двести лет тому назад. И то же высокое учение Бёма, облекаясь в странные мистические и алхимические одежды, дало основу самым эксцентрическим, самым безумным отклонениям от простосердечного принятия истины...»³

В. И. Ленин отмечал в «Философских тетрадах»: «Якоб Бёме = **материалистический теист**: он обожествляет не только дух, но и материю. У него бог материален— в этом его мистицизм»⁴.

«Озарения» Бёме — вовсе не исключительный, хотя и примечательный случай; подобные примеры знает не только история мистики, но и история научного познания мира и художественное творчество. По свидетельству многих поэтов, писателей, ученых, в процессе творчества нередко испытываются подобные состояния одухотворе-

---

¹ Гегель. Соч., т. XI. М.— Л., 1935, стр. 233.

² Л. Фейербах. Избр. филос. произв., т. II. М., 1955, стр. 125.

³ А. И. Герцен. Собр. соч., т. III. М., 1954, стр. 237—238.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 53.

ния, или «озарения», которые человеком верующим могут быть восприняты как «божественное откровение». Французский романтик Альфред де Виньи писал, что поэт присутствует как посторонний при том, что происходит в нем — непредвиденное, божественное. Но поэт именно тогда и создает настоящее произведение искусства, «когда он слышит таинственный голос. Он должен его ждать. Никакое другое влияние не должно ему диктовать слова, они будут недолговечными»¹.

Великий Гете высказал подобную мысль следующим образом: «Все, что мы называем изобретением или открытием в высшем смысле, есть из ряда вон выходящее проявление, осуществление оригинального чувства истины, которое, давно развившись в тиши, неожиданно, с быстротой молнии ведет к плодотворному познанию. Это на внешних вещах изнутри развивающееся откровение, которое дает человеку предчувствие его богоподобности»².

Представление о том, что вдохновение в научном или художественном творчестве не зависит прямо от ученого или художника, его таланта, ума и приложенного труда, а является даром «свыше», уходит своими корнями в глубокую древность. Еще Гомер в «Одиссее» называл рапсода певцом, вдохновленным богами или музами.

Рождению веры в то, что в состоянии ниспосланного свыше вдохновения (экстаза) создание тех или иных произведений зависит не от человека, а от какой-то сверхъестественной силы, способствовало незнание механизмов этих явлений, а также характер субъективных переживаний при «озарении». Нередко в момент вдохновения писателям и поэтам кажется, что их творения порождаются не

---

¹ Цит. по: М. Арnaudов. Психология литературного творчества, стр. 327.

² И.-В. Гете. Избр. филос. произв. М., 1964, стр. 326.

ими самими, а кем-то, как бы вселившимся в них и диктующим им. Собственную инициативу они в таких состояниях по большей части не осознавали, и им ясно представлялось, что они становятся орудием высших сил, начинают творить по их воле. Этот период творческого взлета и большой продуктивности резко контрастирует с обычными рабочими состояниями. Вот что свидетельствуют об этом сами художники и ученые.

Болгарский поэт П. Яворов рассказывал: «Доходишь до чувства механичности творчества... Своеобразный спиритизм... Кто-то мне шепчет, диктует это, до такой степени, что испытываешь мучение, недовольство, в том смысле, что твоя работа как будто не тебе принадлежит, что ты только аппарат для написания ее... Настолько мало участие сознания человека в этой работе и настолько головокружительны эти процессы, что нельзя их охватить»¹. Виктор Гюго о некоторых своих стихотворениях говорил: «Бог диктовал, а я писал».

Людей творческого труда поражала также внезапность, с какой приходят такие «озарения». Они нередко настигают художников и ученых, когда они, утомленные бесплодными поисками, бросают работу и отвлекаются совершенно посторонними делами. И вдруг во время этих занятий, никак не связанных с мучившими их проблемами, решение приходило как бы безо всякого усилия их мысли и воли, легко, без напряжения.

Французский математик А. Пуанкаре долго и бесплодно бился над очень трудной задачей. Утомленный, он так и оставил ее нерешенной и отправился в геологическую экспедицию. «Перипетии этого путешествия,— пишет Пуанкаре,— заставили меня забыть о моей работе. При-

---

¹ Цит. по: М. Арnaudов. Психология литературного творчества, стр. 368.

быв в Кутанс, мы сели в омнибус для какой-то прогулки; в момент, когда я встал на подножку, мне пришла в голову идея без всяких, казалось бы, предшествовавших раздумий с моей стороны. ...Из-за отсутствия времени я не сделал проверки, так как, с трудом сев в омнибус, я тотчас же продолжил начатый разговор, но я уже имел полную уверенность в правильности сделанного открытия. По возвращении в Кан я на свежую голову и для очистки совести проверил найденный результат»¹.

Гете рассказывал, что многие стихотворения возникали в его сознании, когда он их совсем не ждал. «Заранее я не имел о них никакого представления и никакого предчувствия, но они сразу овладевали мною и требовали немедленного воплощения, так что я должен был тут же, на месте, произвольно, как лунатик, их записывать»². Подобные свидетельства можно было бы продолжить. Но все они только внешнее описание субъективных переживаний. Для того чтобы постичь сущность всякого рода «озарений», «откровений», «одухотворений», необходимо вникнуть в природу их возникновения и раскрыть психофизиологические механизмы этих необычных состояний.

2. Тайна подсознательной деятельности

В ходе мышления в мозгу человека происходят сложнейшие психофизиологические процессы по переработке накопленной (зафиксированной памятью) и идущей от органов чувств (то есть из внешнего мира) информации. Причем процессы эти происходят как бы на двух уровнях,

---

¹ А. Пуанкаре. Математическое творчество. Приложение к книге: Ж. Адамар. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970, стр. 139.

² И. П. Эккерман. Разговоры с Гете. М.—Л., 1934, стр. 809.

для каждого из которых свойственны свои специфические особенности.

Первый уровень — дискурсивное (рассудочное) мышление. Оно характеризуется тем, что как отдельные его этапы, так и их логическая последовательность отчетливо осознаются думающим человеком, иначе говоря, «падают в самоотчет». Свои мысли он может выразить в устной или письменной речи, которая представит собой связную цепь умозаключений.

Второй уровень — подсознательная деятельность мозга. Она протекает автоматически и нами не осознается, а поэтому нельзя четко выявить все звенья такого рода мышления. Об этой подсознательной сфере немецкий философ И. Кант писал: «То обстоятельство, что сфера наших чувственных созерцаний и ощущений, которых мы не сознаем, хотя с несомненностью можем заключить, что мы их имеем, т. е. [сфера] **смутных** представлений у людей (а также у животных), неизмерима, а ясные представления содержат в себе только бесконечно малое количество точек их, открытых перед сознанием; что на **большой карте** нашей души, так сказать, **освещены** только немногие пункты,— это обстоятельство может возбуждать у нас удивление перед нашим собственным существом; ведь если бы некая высшая сила сказала: да будет свет! — то без малейшего содействия с нашей стороны перед нашими глазами открылось бы как бы полмира (если, например, мы возьмем писателя со всем тем, что он имеет в своей памяти)»¹.

И. П. Павлов считал физиологической основой сознания очаг (фокус) оптимального возбуждения в коре полушарий головного мозга. Этот «светлый» очаг (клетки его находятся в состоянии возбуждения) в процессе ло-

---

¹ И. Кант. Соч., т. 6. М., 1966, стр. 366.

гического мышления как бы движется по коре полушарий, а клетки, не охваченные им, находятся в состоянии пониженной возбудимости. По мнению И. П. Павлова, именно такие отделы мозга с пониженной возбудимостью и обуславливают подсознательную деятельность, подготавливающую для сознания «сюрпризы» в виде готовых решений.

С этим явлением мы сталкиваемся на каждом шагу в повседневной жизни. Например, в ходе разговора вы хотите что-то вспомнить. Однако бывает, что как бы вы ни напрягали память, нужное нейдет на ум. Тогда вы говорите: «Подождите минутку, я вспомню» — и продолжаете разговор. И вот через некоторое время то, что вы так старались вспомнить, неожиданно «всплывает», как заранее приготовленный сверток, доставленный рассылным из глубины подсознания.

Подсознательная деятельность особенно отчетливо проявляется у людей, которые могут в уме фантастически быстро производить математические операции, множить и делить, возводить в степень и извлекать корни.

Как объяснить эти феноменальные способности? Иногда это плод упорных тренировок. Можно, например, изучить таблицу умножения не до «девятью девять», а до «девятью девятью девятью девятью». В других же случаях счетчики решительно не знают и не понимают, как это у них происходит, как они производят вычисления. Дано от природы, и конец. Тем, кто наблюдает за ними, так и кажется, что в их мозгу работает счетно-решающая машина, которая и производит математические операции.

Крупнейшему французскому психоневрологу Пьеру Жане удалось воспроизвести в эксперименте, как математические операции производятся без участия сознания. Он погрузил в гипнотическое состояние девушку по име-

ни Люси и внушил ей, что когда она проснется, то начнет рассказывать ему о событиях какого-нибудь дня из своей жизни. А после того как он хлопнет в ладоши, она одновременно с рассказом начнет умножать 739 на 42. При этом она не должна смотреть на карандаш и бумагу — рука сама произведет нужные записи. Опыт блестяще удался. Люси рассказывала о том, что она делала днем, и ни разу не остановилась. В это же время ее рука записывала соответствующие вычисления.

В связи с тем что вдохновение — неотъемлемая часть творческого процесса, многие были убеждены, что подсознательная деятельность вообще главное в творчестве. «Человек, — говорил Гете, — не удерживается долго в сознании и должен убежать в бессознательное, в котором заключены его корни»¹. Такого же мнения придерживаются и многие современные зарубежные художники, особенно под влиянием основоположника психоанализа венского психиатра З. Фрейда, утверждавшего, что «все душевные процессы, по существу, бессознательны... и сознательные процессы являются только как отдельные проявления нашей душевной деятельности»².

Однако современная психология опровергает эту точку зрения, убедительно доказывая, что такое противопоставление бессознательного сознанию в корне неверно. Даже в обыденной жизни нетрудно установить, что подсознательное и сознательное неотделимы друг от друга, что между ними нет непреодолимой пропасти. Очень часто то, что бывает вначале сознательным, в дальнейшем может стать подсознательным. Вспомним хотя бы, как

---

¹ Цит. по: М. Арнаудов. Психология литературного творчества, стр. 328.

² З. Фрейд. Лекции по введению в психоанализ, вып. 1. М., 1922, стр. 28.

мы учимся езде на велосипеде. На первых уроках все свои действия мы держим в поле ясного сознания. А затем, когда наши движения приобретают автоматизм, навык езды «погружается» в подсознание. И обычно, совершая прогулки на велосипеде, мы можем думать о чем угодно, разговаривать и т. д., вовсе не отдавая отчета в том, как работают наши ноги и руки. Но как только возникают какие-либо осложнения, мы вновь начинаем осознавать наши действия.

Взаимосвязь подсознательных и сознательных процессов мышления в творчестве четко проследил А. Пуанкаре в своих самонаблюдениях. Он пишет: «Роль этой бессознательной работы в математическом изобретении мне кажется несомненной, и ее следы можно найти и в других случаях, когда это менее очевидно. Часто, когда работают над трудным вопросом, с первого раза не удается ничего хорошего, затем наступает более или менее длительный период отдыха, и потом снова принимаются за дело. В течение первого получаса дело вновь не двигается, а затем вдруг нужная идея приходит в голову. Можно было бы сказать, что сознательная работа стала более плодотворной, так как была прервана и отдых вернул уму его силу и свежесть. Но более вероятно предположить, что этот отдых был заполнен бессознательной работой и что результат этой работы внезапно явился математику... Есть еще одно замечание по поводу условий этой бессознательной работы: она возможна или, по крайней мере, плодотворна лишь в том случае, когда ей предшествует и за ней следует сознательная работа... Эти внезапные вдохновения происходят лишь после нескольких дней сознательных усилий, которые казались абсолютно бесплодными... Эти усилия, однако, не являются бесполезными, как это думают; они пустили в ход бессознательную машину, без них она не пришла бы в действие и ничего бы не

произвела. Необходимость второго периода сознательной работы после озарения еще более понятна»¹.

Можно с полной определенностью сказать, что моменту «озарения» всегда предшествует период напряженной сознательной работы. П. И. Чайковский писал: «Весь секрет в том, что я работал ежедневно и аккуратно. В этом отношении я обладаю железной волей, и когда нет особенной охоты к занятиям, то всегда умею заставить себя превозмочь нерасположение и увлечься»².

Такой предварительный период некоторые исследователи образно сравнивают с зарядкой лейденской банки, а ее разряд — с творческой вспышкой, порождающей новые научные открытия и шедевры искусства. Было даже эмпирически выработано своеобразное правило творчества: когда бьешься долго над проблемой и убеждаешься, что сейчас решить ее не удастся, полезно на время оставить ее, с тем чтобы вновь вернуться к проблеме через некоторое время. Отсюда ясно, что во время такой отсрочки («период инкубации») мозг не оставляет работы над решением волнующей человека проблемы, она продолжается, но только в подсознательной сфере.

Идея, из поля ясного сознания погрузившаяся в подсознание, не умирает, а развивается, преобразуется, обогащается и затем возвращается в сознание в более содержательном, созревшем и обоснованном виде. Великий русский физиолог А. А. Ухтомский писал, что несколько сложных научных проблем могут зреть в подсознательном рядом и одновременно, лишь изредка выплывая в

---

¹ А. Пуанкаре. Математическое творчество. Приложение к книге: Ж. Адамар. Исследование психологии процесса изобретения в области математики, стр. 140—141.

² П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. 2. М.—Л., 1935, стр. 66.

поле внимания, чтобы от времени до времени подвести свои итоги.

Американский психолог Г. Уоллес, изучив и обобщив большой материал, выделил четыре стадии творческого процесса: подготовка, созревание, вдохновение и проверка истинности.

3. «Сумасшедшие идеи»

Возвратимся к «озарениям» Якоба Бёме. Он был, конечно, удивительным человеком, обладавшим незаурядными способностями. Его ум впитывал идеи «летающие в воздухе» в тот переходный исторический период и по-своему перерабатывал их. Это было время разложения средневековых устоев и брожения умов. Утратив веру в ряд основных догматов христианства, Бёме неистово искал разгадку мироздания. Это неистовство и привело его к «озарениям». И хотя он остался истинным сыном своего времени, не порвал окончательно с религиозным мировоззрением и проповедовал чисто мистические идеи, теологическим языком он высказал глубокую догадку о том, что закономерности природы заключены в самой природе.

Есть основания считать, что именно психическая встряска «озарения» и привела его к некоему гениальному прозрению. В таком случае возникает вопрос: как это можно объяснить?

Принципиально новое решение проблемы, научное открытие очень часто не может быть достигнуто с помощью стандартных приемов и устоявшихся истин. В этих случаях логика, пусть самая последовательная, самая железная, оказывается бессильной. Чтобы найти решение, часто необходим радикальный разрыв с устаревшими —

«вечными» — истинами и принятие совершенно иной стратегии мышления. Вот почему так важно уметь по-новому взглянуть на старые вещи и явления. Но это всегда сопряжено с большими психологическими трудностями, так как связано с ломкой устоявшегося стереотипа мышления.

Геоцентрическая система, в классическом виде созданная Аристотелем (IV в. до н. з.) и Птолемеем (1 пол. II в.), согласно которой Земля является центром Вселенной, закрепилась более чем на полтора тысячелетия. Потребовались героические усилия Коперника, Бруно и Галилея, чтобы разрушить этот стереотип, победить устоявшийся «единственно верный взгляд», что Солнце движется вокруг Земли, и утвердить новые представления о нашей планетарной системе. Это было тем более трудно, что все видели, как Солнце движется по небу. И разве может быть об этом иное мнение?

Новые идеи, резко противоречащие установившимся стереотипным взглядам, часто воспринимаются при своем появлении как нечто абсурдное. «Но парадоксально и то, — писал К. Маркс, — что земля движется вокруг солнца и что вода состоит из двух легко воспламеняющихся газов. Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей»¹.

Вот тут-то и помогает творческое «озарение», интуитивное проникновение в суть неизвестного явления. Ведь если в зоне нашего сознания процессы мышления протекают обычно по ранее выработанным схемам, оперируют устоявшимися понятиями в соответствии с привычной логикой, то в зоне подсознательного они менее «дисциплинированы». Именно этот «беспорядок» и делает возмож-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 131.

ным создание неожиданных комбинаций, «сумасшедших идей», как выразился датский физик Н. Бор. Одна из таких идей «посетила» А. Эйнштейна, разработавшего свою знаменитую теорию относительности. Напомним, что утверждение об относительности пространства и времени многим физикам и философам казалось поначалу абсурдным.

О том, что скачок к новым идеям произошел у Эйнштейна в процессе напряженной работы и что сначала они ухватывались больше интуитивно, можно судить по его собственным высказываниям. «Для меня не подлежит сомнению,— писал он,— что наше мышление протекает в основном минуя символы (слова) и к тому же бессознательно. Если бы это было иначе, то почему нам случается иногда «удивляться», притом совершенно спонтанно, тому или иному восприятию... Этот «акт удивления», по-видимому, наступает тогда, когда восприятие вступает в конфликт с достаточно установившимся в нас миром понятий. В тех случаях, когда такой конфликт переживается остро и интенсивно, он в свою очередь оказывает сильное влияние на наш умственный мир. Развитие этого умственного мира представляет собой в известном смысле преодоление чувства удивления — непрерывное бегство от «удивительного», от «чуда»»¹.

Итак, процесс замыкания «невероятных» комбинаций в подсознательной сфере протекает особенно благоприятно при сильном ослаблении обыденного, стереотипного мышления — решение проблемы приходит на прогулках, во время игр и т. д. Подсознательная творческая деятельность мозга делает иногда находки и открытия в сновидениях. Во сне Д. И. Менделеев увидел принци-

---

¹ А. Эйнштейн. Физика и реальность. М., 1965, стр. 133.

альную схему своей будущей таблицы, немецкий химик Август Кекуле — формулу бензола. Сновидение подарило П. И. Чайковскому тему первого концерта. В сонной грезе Рафаэлю предстал образ его знаменитой Мадонны. Имеется много и других свидетельств об «откровениях» во время сна.

В процессе творчества решению проблем нередко помогают различные подсказки. Вот только один из таких примеров, который приводится в книге английского писателя С. Смайльса «Самодеятельность».

Над проектом моста через горную реку Твид инженер-мостовик Броун работал длительное время. Проект никак не получался. В отчаянии он оставил однажды чертежную доску и вышел прогуляться в сад. Затем прилег под кустом, но тотчас вскочил: в простой паутине он вдруг увидел нужный ему чертеж, ясно вычерченный серебристыми нитями на фоне голубого неба. Это была не просто паутина, а маленький ажурный мост между ветвями. Ветер раскачивал ветви, но паутина не рвалась. И в воображении Бруна уже не хрупкие ветви растягивали паутину, а серые скалы держали на цепях легкий мост над ущельем. Он сразу же засел за чертежи и вскоре создал новую конструкцию — висячий мост без дорогих и сложных устоев. Увиденная им паутина послужила своеобразной подсказкой в решении проблемы.

Несомненно, что он много раз прежде видел серебристые нити паутины. Тем не менее это не помогло ему сразу создать нужную конструкцию. Необходимо было вначале потрудиться над задачей, и лишь после этого паутина приобрела вид висячего моста в миниатюре. При этом ему казалось, что он нашел решение как бы без рассуждения, сразу увидел его воочию. Это и было проявлением интуиции: ведь по-латыни данное слово буквально означает «созерцание», «усмотрение», «видение».

Есть движущая сила, стимулирующая мозг работать над проблемами, искать новые идеи и образы, которые озаряют сознание неожиданным «откровением». Такой движущей силой является устремленность творчески одаренной личности к какой-либо социально значимой цели. Напряженный поиск научной истины, художественного образа всегда вырабатывает длительную установку личности и сопровождается мощным эмоциональным зарядом. О значении эмоций в познавательной деятельности В. И. Ленин писал, что «без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого **иска**ния истины»¹. Человек увлеченно сосредоточивается на определенном круге проблем и интересов. Если эта эмоциональная доминанта (установка) существует длительное время, то в процессе творчества постепенно выкристаллизовываются идеи, образы и мысли, связанные с решаемой проблемой. В какой-то момент, когда идея «созревает», в свете пришедшего «озарения» все, что называется, встает на свои места.

А как же тогда быть с «озарениями» мистиков? Конечно же некоторые из них обладали высокими творческими способностями, например тот же Бёме. Но следует помнить: чтобы вызвать религиозный экстаз, то есть обеспечить у верующего «прорыв» эмоционально окрашенных представлений из подсознательной сферы, нужна горячая, нерассуждающая (то есть фанатическая) вера в сверхъестественное. Служители религиозных культов за многие века и тысячелетия выработали и применяют специальные приемы, например длительные посты и молитвы, возбуждающие танцы шаманов, ритмические звуки бубна, некоторые элементы системы йоги и т. д. Такие приемы, по существу, призваны отключить высшие от-

---

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 112.

делу мозга — притупить сознание, держащее под своим контролем подсознательную сферу с ее буйным воображением, эмоциями и аффектами.

Как видим, несмотря на общность чисто психофизиологических механизмов религиозного «озарения» и одухотворения, вдохновения, которое люди нередко испытывают в процессе научного или художественного творчества, эти состояния по самой своей сути имеют коренное различие — в первую очередь в направленности и в конечных результатах. Если религиозный экстаз убеждает людей в ложности реального мира, порождает фанатизм, то творческое одухотворение художников и ученых рождает вполне реальные общественные ценности — великолепные произведения искусства, выдающиеся научные открытия, которые несут людям радость и новое знание о мире.

Вот почему мы с полным правом можем сказать: именно такое одухотворение и есть настоящее «озарение». И ни с богом, ни с другими несуществующими сверхъестественными силами оно не имеет ничего общего. Не все тайны этого явления раскрыты, но нераскрытое кроется во вполне материальном источнике — в нашем мозгу, в психологических закономерностях, которые ученые познают все глубже.

ПРИЗРАК В РОЛИ СОБЕСЕДНИКА

На первый взгляд может показаться, что познать самого себя не представляет большого труда. Кто же лучше меня самого может знать обо мне? На самом же деле познание глубин собственного «я» и философское исследование сущности личности — бесконечно сложный процесс.

Философ материалист Людвиг Фейербах, живший в прошлом веке, считал, что одной из причин, порождающих религию, является сочетание в человеческом существе сознания с бессознательным, воли с произвольным. По его мнению, человек не понимает и не выносит своей собственной глубины и поэтому раскалывает (раздваивает) свое существо на осознаваемое «я» и неосознаваемое «не-я». В 1849 г. в «Лекциях о сущности религии» он писал: «Человек со своим Я или сознанием стоит на краю бездонной пропасти, являющейся, однако, не чем иным, как его собственным бессознательным существом, пред-

ставляющимся ему чужим»¹. Именно это «бессознательное существо» в разных обликах является человеку в «видениях» и ведет с ним беседы.

Основатель протестантизма — Мартин Лютер однажды «увидел» черта и даже вступил с ним в яростный спор. История не сохранила диалог, который теолог вел с чертом. Доподлинно известно только, что, выведенный из себя, Лютер запустил в оппонента чернильницей.

Однажды к Бальзаку пришел приятель и еще перед дверью в кабинет услышал, как тот с кем-то бурно ссорится, громко кричит: «Мерзавец, я тебе покажу!» Но, открыв дверь, он увидел, что Бальзак один в комнате. Он кричал на одного из своих героев, изобличая его в подлости, когда тот как непрошенный гость явился к писателю.

Во время работы над одним из произведений Мопассан при свечах сидел за письменным столом. Мысли не шли в голову. Казалось, что работа зашла в тупик. Вдруг дверь кабинета отворилась, и в комнату вошел его... двойник, сел напротив и, опустив голову на руку, стал диктовать текст произведения. Мопассан писал под диктовку. Когда он кончил и встал с места, видение исчезло.

К Сергею Есенину призрак явился в облике «черного человека», который сел к нему на кровать и гнусавым голосом завел разговор. Этот эпизод он воспроизвел в стихотворении «Черный человек». Как и у Лютера, разговор закончился аффективным взрывом.

«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится.
Я взбешен, разъярен,

---

¹ Л. Фейербах. Избр. филос. произв., т. II, стр. 839.

И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

Чтобы разобраться в глубинах психической деятельности, делающих возможными такие «встречи», давайте отправимся с вами, читатель, в психологические лаборатории.

1. Наедине с собой

Во время экспериментов на одиночное сурдокамерное испытание мы нередко могли наблюдать, как испытуемые разговаривали сами с собой. Чаще всего это происходило в форме диалога. Задавая вопросы и одновременно отвечая на них, они спорили сами с собой, доказывали и разъясняли сами себе, успокаивали, убеждали себя и т. д. Вот пример такого диалога:

«— Ну, что же ты сейчас будешь делать?..

— Не нарисовать ли мне нашу Нину? Она все время стоит перед глазами. А если портрет плохо получится?.. Она на меня может обидеться. К тому же если я стану рисовать, то к началу исследования не успею подготовить электроды, и меня опять начнут терзать.

— Брось! Все обойдется...

— Вставай! Вставай, лентяй! Принимайся за работу!

— Ну ладно, так и быть, уговорил, речистый...»

Мы наблюдали и своеобразную игру испытуемого с самим собой, когда он спрашивал себя по фамилии, а отвечал по имени и отчеству.

Даже когда испытуемые в условиях изоляции просто надолго замирали в кресле и молчали, их мимика, динамика пульса, дыхания, кожно-гальванический рефлекс свидетельствовали об интенсивной смене противоречивых

мыслей. Это подтверждалось после эксперимента при расспросах. «Только сурдокамера и одиночество,— рассказывал один из испытуемых,— дали мне возможность решить вопрос о женитьбе. В обычной жизни противоречивые доводы за и против выводили меня из равновесия и мешали работать. Я старался уйти от решения этого вопроса. В сурдокамере я ожесточенно спорил сам с собой, как будто во мне было два человека. «Сторонник жениться» доказал необходимость этого шага, и я принял твердое решение жениться».

Некоторые из молчаливых испытуемых отражали свои внутренние мысли и споры в дневниках. В нашем распоряжении осталось много дневниковых записей диалогического характера. Однако здесь мы приводим в качестве примера отрывок из дневника активного участника французского Сопротивления Бориса Вильде (1908—1942), русского по национальности, казненного фашистами 23 февраля 1942 г. Борис Вильде вел свой дневник в одиночном заключении.

«24 октября.

1. Итак, дорогой друг, нужно серьезно учесть возможность смертного приговора.
2. Нет, нет, я не хочу этого. Все мое существо противится. Я хочу жить. Будем бороться, будем защищаться, попробуем бежать. Все, только не смерть!
1. Послушай, не может быть, чтобы ты говорил серьезно. Разве ты придаешь жизни такую ценность?
2. А ты? Совершенно искренно?
1. Инстинкт силен, но я умею рассуждать и заставляю повиноваться мое животное начало»¹.

---

¹ Цит. по: О. Н. Кузнецов, В. И. Лебедев. Психология и психопатология одиночества. М., 1972, стр. 210.

Диалогическая речь скрашивает жизнь не только в одиночной камере. Вэл Хауэлз, переплывший в одиночку Атлантический океан, тоже очень часто вел разговор сам с собой, как бы «выделяя» из себя партнеров. Для иллюстрации приводим только одну выдержку из его книги:

«— Эй, на носу! Нагрузить топенант. Да повеселей. Один человек на тали шкотового угла, один на галсовый угол, двое на ходовые концы...

— Потравливай грота-шток, живо!.. Выбирай грота-фал.

— На лебедку его, боцман, переднюю шкаторину добрать!

— Есть, сэр!..

— Ладно, помалкивай, твое дело стряпать, я штурман на этой старой калоше. Ступай вниз, приготовь чаю, у нас уйма времени»¹.

Естественно, возникает вопрос, почему в условиях одиночества так отчетливо проявляется потребность в диалоге, пусть даже с воображаемым собеседником?

В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс писал, что сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений. Контакт, общение, совместная деятельность с другими людьми столь естественны и необходимы в человеческой жизни, что, если даже человек остается наедине с собой, он всегда имеет интериоризованную (перенесенную внутрь, в план умственного действия) аудиторию, с которой общается. Это явление у детей заметил К. Чуковский. Одну девочку он спросил: «Ты чего плачешь?» — «А я не тебе плачу, — ответила она. — Я маме».

Ребенок находится под постоянным наблюдением

---

¹ В. Хауэлз. Курс — одиночество. М., 1969, стр. 82—83, 150.

взрослых. Его своеволие постепенно вводится в рамки нравственных норм, а правильные действия поощряются. Со временем этот внешний контроль заменяется самоконтролем. Еще не запрятанный вовнутрь самоконтроль очень наглядно обнаруживается у ребенка на этапе появления речи и развития самосознания, то есть когда он обретает способность в своем воображении принимать те или иные ролевые функции взрослых. Маленькая девочка убаюкивает куклу, которую наделяет собственными чертами, а в воображении перевоплощается в мать. В этот период можно увидеть и такую сцену. Ребенок приближается к какому-то запрещенному предмету, допустим к спичкам, и хочет зажечь их. Но затем, как бы принимая роль матери, повторяя интонацию ее голоса и жесты, говорит себе: «Нет-нет, не трогай».

Советский психолог Л. С. Выготский писал: «Всякая высшая психическая функция была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической функцией, она была прежде социальным отношением двух людей. Средство воздействия на себя первоначально является средством воздействия на других или средством воздействия других на личность»¹. Таким образом, в самой человеческой психике заложен механизм раздвоенности. Размышляя над каким-либо вопросом, человек в своем воображении спорит с условным оппонентом, входит в те или иные роли и прогнозирует возможные действия других людей. Полководец перед сражением ставит себя на место своего противника и в воображении «проигрывает» его возможные контрдействия. Наполеон, по выражению русского военного теоретика М. И. Драгомирова, обладал «чисто де-

---

¹ Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций. М., 1960, стр. 197.

монической способностью заглянуть в душу противника, разгадать его духовный склад и намерения»¹. Еще под Тулоном, совсем молодым офицером, он поразил своей способностью рассчитать действия неприятеля и тончайшим образом предвидеть их.

В многочисленных работах советских психологов было показано, что специфическая, свойственная только людям, потребность в общении обнаруживается в самом раннем детстве, буквально с первых дней появления на свет. У взрослых эта потребность в общении особенно ярко дает себя знать, когда человек оказывается в изоляции. В частности, об этом свидетельствует запись, сделанная в дневнике одним из испытуемых в условиях экспериментального одиночества: «Много раз товарищи говорили мне, в шутку конечно, о чертике, живущем за холодильником. А за холодильником действительно всегда слышится какой-то шум. Во всяком случае, должен признаться, что если бы он вдруг вышел, думаю, нам было бы о чем побеседовать».

Если в обычных условиях интроектные (воображаемые) оппоненты остаются внутренним переживанием, то в условиях длительной изоляции появляется потребность в их объективации, которая выражается, в частности, в персонификации тех или иных объектов. Этот феномен, получивший в трудах Л. С. Выготского название экстериоризации (превращение внутреннего умственного действия во внешнее), очень наглядно иллюстрируют слова французского врача Алена Бомбара, переплывшего с целью эксперимента Атлантический океан на резиновой лодке «Еретик». «Маленькая куколка,— пишет он,— которую мне подарили друзья перед отплытием с Канарских ост-

---

¹ Цит. по: Б. М. Теплов. Проблемы индивидуальных различий, стр. 296.

ровов, превратилась для меня почти в живое существо. Я смотрю на нее и уже заговариваю с ней, сначала односложно, а потом во весь голос, рассказывая ей обо всем, что собираюсь делать. Ответа я не жду: пока еще это не диалог. Отвечать она начнет мне позднее. А сейчас я просто испытываю необходимость говорить, чтобы знать, что я действительно существую»¹.

В наших экспериментах на длительную изоляцию мы наблюдали иногда персонификацию «публичности одиночества». Под «публичностью одиночества» мы понимаем состояние человека, который, находясь в одиночестве, в то же время знает, что за ним с помощью телевизионных камер ведется непрерывное наблюдение. Нередко испытуемые начинали разговаривать с телевизионной камерой, воображая, что в аппаратной находится конкретный человек. И хотя этого человека в аппаратной не было и испытуемый не получал никакого ответа, тем не менее этим разговором он как-то снимал свою эмоциональную напряженность. Насколько трудно вести беседу даже с реально слышимым голосом партнера, но без какой-либо его объективации, свидетельствует следующее наблюдение.

В сурдокамере вмонтированы динамики и скрытые микрофоны, работающие в режиме «подслушивания». Но есть также микрофон, который стоит на столе. В одном из специальных экспериментов микрофон со стола был убран, и испытуемый на задаваемые вопросы должен был отвечать в пустоту. Большинство испытуемых в этих экспериментах отмечали, что очень неприятно вести разговор с пустотой. Гораздо естественнее вести разговор, когда перед тобой стоит микрофон: создается впечатление реального собеседника.

А. Бомбар. За бортом по своей воле. М., 1975, стр. 132.

Возникает также вопрос: почему в длительном одиночестве человек ведет беседу с самим собою вслух, а не в уме?

По всей вероятности, это обусловлено тем, что мысль, выраженная вслух или записанная, обретает характер определенного отчуждения. Она звучит так, будто высказана другим человеком, который проник в наши переживания и нашел слова ободрения.

Мышление вслух у здоровых людей наблюдается не только в условиях изоляции, но и в моменты, когда надо преодолеть трудность или опасность, как форма подбадривания. В этом можно видеть выражение потребности человека в сложной ситуации иметь поддержку извне.

Таким образом, когда изоляция исключает привычные формы общения, человек вырабатывает компенсаторные социально-психологические формы регулирования своего поведения.

Однако, если в приведенных случаях «выделение из себя партнера» не выходит за рамки обычной работы воображения и является просто защитной реакцией на изоляцию, то в других психических состояниях этот процесс заходит дальше и происходит отчуждение «партнеров по общению» — раздвоение личности.

Иллюстрацией такого раздвоения может служить беседа Ивана Карамазова с чертом, которую Ф. М. Достоевский описал с клинической достоверностью и большой художественной силой.

«— Оставь меня, ты стучишь в моем мозгу как неотвязный кошмар,— болезненно простонал Иван, в бессилии пред своим видением,— мне скучно с тобой, невыносимо и мучительно! Я бы много дал, если бы мог прогнать тебя!..

— Воистину ты злишься на меня за то, что я не явился тебе как-нибудь в красном сиянии, «гремя и блистая»,

с опаленными крыльями, а предстал в таком скромном виде. Ты оскорблен, во-первых, в эстетических чувствах твоих, а во-вторых, в гордости: как, дескать, к такому великому человеку мог войти такой пошлый черт?

— Ни одной минуты не принимаю тебя за реальную правду,— как-то яростно даже вскричал Иван.— Ты ложь, ты болезнь моя, ты призрак. Я только не знаю, чем тебя истребить... Ты моя галлюцинация. Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых... ты — я, сам я, только с другой рожей. Ты именно говоришь то, что я уже мыслю... и ничего не в силах сказать мне нового!»¹

На одной из «клинических сред» И. П. Павлов отмечал: «Обыкновенно в норме мы все свои поступки, чувства, мысли относим все-таки к какому-то центральному пункту. Этот пункт называется нашим «я», какая-то геометрическая точка, в которой, как по радиусу, все сливается. Если я хочу, то это я хочу, а не Сергей Сергеевич, если я чувствую, то это я чувствую, а не Мария Ивановна»².

Вопрос о патофизиологическом механизме раздвоения личности, когда собственные психические процессы отчуждаются и кажутся человеку посторонними, независимыми от «я», до настоящего времени не получил окончательного решения. Одним из механизмов, обуславливающих утрату сознания актуального «я» или отчуждение мыслей, представлений и т. д., многие ученые считают развитие гипнотических фаз в коре головного мозга.

Примером состояния раздвоения на фоне гипнотических фаз может служить самонаблюдение английского

---

¹ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 15. Л., 1976, стр. 81, 72—73.

² «Павловские клинические среды», т. II. М.—Л., 1955, стр. 319.

философа Г. Спенсера, который принимал морфий при бессоннице. «Сновидения, возникающие под влиянием морфия,— пишет Спенсер в своей автобиографии,— отличаются от видений нормального сна. Они необыкновенно связны, последовательны и осмысленны. Мысли вполне логично вытекают одна из другой... Иногда мне казалось, что независимо от моего обычного сознания во мне происходит процесс связно текущих мыслей, будто моя личность раздваивается и одна часть становится самостоятельным источником слов, мыслей и действий, над которыми я был совершенно безвластен, тогда как другая остается пассивным наблюдателем и слушателем, совершенно не подготовленным ко многому, что думает, говорит и делает первая половина»¹.

У Спенсера гипнотическое состояние и раздвоение личности наступало под воздействием морфия. Но аналогичные состояния возникают и при злоупотреблении алкоголем. Иван Карамазов в романе Ф. М. Достоевского страдал запоями. Или вспомним вот такие слова из «Черного человека» Сергея Есенина:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Раздвоение личности может наступить и при приеме других наркотиков. Английский психолог Гарри Ашер, принявший наркотик ЛСД с целью эксперимента, так описывает свое состояние: «Меня вывели в коридор. Там обнаружилось, что я состою из двух людей. Главный, который находился примерно там, где и мое обычное «я», и

---

¹ Г. Спенсер. Автобиография, ч. 2. СПб., 1896, стр. 66—67.

другой, который был от меня слева. Мы могли общаться друг с другом с помощью передачи мыслей, но не голосом. Тот, что в середине, мое лучшее «я», был прекрасным человеком, сильным, решительным и ловким. Второй был, несомненно, человеком неприятным. «Может быть, выскочишь в окно?» — предложил он мне. Мысль показалась мне стоящей, и я как раз собирался ее осуществить, когда мое более сильное «я» вмешалось и ответило: «Не выдумывай. Не будь таким идиотом»¹.

После приема мескалина, также с целью эксперимента, один испытуемый, страдающий алкоголизмом, заявил: «Во мне два человека — пьяный и непьяный, я вижу себя непьяным, а другой пьяный; я сам второй, я борюсь, я хочу пьяного вытолкнуть»².

Феномен раздвоенности может возникнуть у психически здоровых людей не только под воздействием наркотиков, но и от напряженной работы, когда чрезвычайно активизируются в своем взаимодействии сознательная и подсознательная деятельность.

Как говорилось в предшествующей главе, в момент одухотворения, «озарения» человеку кажется, что кто-то овладевает его волей, диктует стихотворение, решение задачи и т. д. Это состояние получило название «психический автоматизм». С психофизиологической точки зрения данное состояние объясняется тем, что в такие минуты образы и мысли бьют столь сильным потоком из подсознания, что воспринимаются человеком не как результат его собственного творческого усилия, а как результат чьего-то вмешательства, то есть отчуждаются. Собственные мысли и переживания воспринимаются как насильственные, навязанные извне.

---

¹ Цит. по: В. Леви. Охота за мыслью. М., 1967, стр. 65.

² Там же, стр. 54.

Но почему же в ряде случаев верующие, страстно молясь богу, видят не его, а чертей и слышат богохульные речи? Почему при раздвоении личности наружу «выносятся» чаще всего то, что чуждо ей, к чему она относится со страхом и отвращением, против чего протестует все ее существо?

2. Вольный моряк из экипажа Колумба

Записи биотоков мозга показывают, что в условиях изоляции и одиночества в коре полушарий головного мозга развиваются гипнотические фазы. Первая фаза гипнотического состояния (**уравнительная**) примечательна тем, что сильные и слабые раздражители вызывают одинаковую реакцию организма, тогда как в нормальном, бодрствующем состоянии сильный раздражитель вызывает более энергичный ответ по сравнению со слабым. За ней следует **парадоксальная** фаза, когда слабый раздражитель может вызывать сильный эффект. А затем наступает третья фаза — **ультрапарадоксальная**, при которой характер ответа организма меняется: положительный раздражитель, ранее вызывавший возбуждение и активную реакцию, теперь, наоборот, приводит к торможению, а тормозные раздражители вызывают возбуждение.

Вот этой ультрапарадоксальной фазой и объясняется, что Лютеру, напряженно размышлявшему о боге, явился черт, что кликуши в церкви, вместо того чтобы молиться, начинают богохульствовать.

В чем же состоит психофизиологический механизм данного явления?

Наши понятия, как правило, связаны по ассоциации с противоположными им: счастье — несчастье, жара — холод, добро — зло, рай — ад, бог — черт и т. д. Но когда

в центральной нервной системе начинает развиваться ультрапарадоксальная фаза, то сколько-нибудь сильное возбуждение одного представления индуцирует (вызывает и усиливает) противоположное. «Вот как это понимается физиологически,— писал И. П. Павлов.— Пусть у нас одна частота ударов метронома есть условный пищевой положительный раздражитель, так как применение ее сопровождалось едой, и она вызывает пищевую реакцию; другая же частота — отрицательный возбудитель, так как при ней еды не давалось, и она производит отрицательную реакцию, животное при ней отворачивается. Эти частоты ударов представляют взаимно противоположную, но ассоциированную и вместе с тем взаимно индуцирующую пару, т. е. одна частота возбуждает и усиливает действие другой. Это есть точный физиологический факт. Теперь дальше. Если положительная частота действует на ослабленную чем-нибудь (а также находящуюся в гипнотическом состоянии) клетку, то она по закону предела, который тоже есть точный факт, приводит ее в тормозное состояние, а это тормозное состояние по закону взаимной индукции обуславливает возбужденное состояние, вместо тормозного, в другой половине ассоциированной пары, и поэтому связанный с ней раздражитель вызывает теперь не торможение, а раздражение...

Это механизм негативизма или контролизма.

Собаке в состоянии торможения (гипнотического) вы подаете пищу, т. е. возбуждаете ее к положительной деятельности — еде, она отворачивается, пищу не берет. Когда вы еду отводите, т. е. возбуждаете отрицательно — к задерживанию деятельности, к прекращению еды, она тянется к пище»¹.

Особенно ярко эта закономерность обнаруживается

---

¹ И. П. Павлов. Полн. собр. соч., т. III, кн. 2, стр. 248.

у больных с симптомом негативизма. Когда такому больному протягивают руку, чтобы поздороваться, он прячет свою за спину или просто отдергивает. Когда руку убирают, он тянется здороваться. Этот закон взаимной индукции противоположных действий приложим и к противоположным представлениям, связанным, конечно, с определенными структурами нервных клеток и составляющими ассоциативные пары. На почве угнетенного, задерживающего состояния (развитие гипнотических фаз в силу тех или иных причин) сколько-нибудь сильное возбуждение одного представления производит его задерживание, а благодаря этому индуцирует противоположное представление.

О беседе Ивана Карамазова с чертом тоже можно сказать, что на фоне ультрапарадоксальной фазы из имеющихся противоречивых представлений о добре и зле, о боге и черте в сознании одного человека возникло два собеседника, которые ожесточенно спорят между собой. «Выделив из себя» и спроецировав вовне омерзительный образ черта, Иван Карамазов, сохраняя свое актуальное «я», стремится избавиться от призрака.

Но раздвоение личности может «выносить» наружу не только подобного партнера. Это видно, например, из дневниковой записи отважного моряка Джошуа Слокама, который в конце прошлого века на небольшом шлюпе «Спрей» в одиночку совершил кругосветное путешествие. Однажды, отравившись брынзой, он не мог управлять шлюпом. Моряк закрепил приспущенные паруса, а сам лег в каюте. «...Когда очнулся,— рассказывает Слокам,— сразу понял, что «Спрей» плывет в бушующем море. Выглянув наружу, я, к моему изумлению, обнаружил у штурвала высокого человека. Он перебирал ручки штурвального колеса, зажимая их сильными, словно тиски, руками. Можно себе представить, каково было мое удивле-

ние! Одет он был как иностранный моряк, широкая красная шапка свисала петушиным гребнем над левым ухом, а лицо было обрамлено густыми черными бакенбардами. В любой части земного шара его приняли бы за пирата. Рассматривая его грозный облик, я позабыл о шторме и думал лишь о том, собирается ли чужеземец перерезать мне горло; он, кажется, угадал мои мысли. «Синьор,— сказал он, приподнимая шапку.— Я не собираюсь причинять вам зло». Едва заметная улыбка заиграла на его лице, которое сразу стало более приветливым. «Я вольный моряк из экипажа Колумба и ни в чем не грешен, кроме контрабанды. Я рулевой с «Пинты» и пришел помочь вам... Ложитесь, синьор капитан, а я буду править вашим судном всю ночь». Я подумал, каким дьяволом надо быть, чтобы плыть под всеми парусами, а он, словно угадав мои мысли, воскликнул: «Вот там, впереди, идет «Пинта», и мы должны ее нагнать. Надо идти полным ходом, самым полным ходом»¹.

Появление двойника-помощника у мореплавателя Слокама можно объяснить глубокой, эмоционально насыщенной настроенностью, острой необходимостью в посторонней помощи в столь трудную минуту, когда он не мог сам управлять судном.

Американский психолог Джемс приводит интересное свидетельство 18-летней девушки: «Однажды вечером мне случилось крупно поспорить с лицом значительно старше меня. В порыве раздражения я машинально взяла толстую костяную вязальную спицу... и изломала ее во время разговора на мелкие кусочки. В разгаре спора мне очень захотелось узнать о нем мнение моего брата, с которым я была замечательно дружна. Я обернулась и увидела его сидящим у противоположного по отноше-

---

¹ Д. Слокам. Один под парусами вокруг света. М., 1960, стр. 36.

нию ко мне конца стола... но к великому моему смущению, я заметила на его губах саркастическую усмешку, которая свидетельствовала о его несочувствии мне, о том, что он... «не за меня». Удивление охладило мой пыл — и спор прекратился. Через несколько минут, желая заговорить с братом, я обернулась к нему, но он отсутствовал. Я спросила присутствующих, когда он вышел из комнаты, но они сказали, что его вовсе в ней не было...»¹ В основе этого случая лежит тот же психофизиологический механизм. Никогда ни до него, ни после у этой девушки галлюцинаций не наблюдалось. В возникновении ее сыграло роль аффективное состояние — раздражение вместе с усиливающимся сознанием своей неправоты и потребностью в авторитетном арбитре.

Из всего сказанного можно сделать один весьма существенный вывод: мистицизм многих «таинственных явлений», на которые столь упорно ссылаются различные религии, рассеивается как дым, когда ученые начинают тщательно изучать их психофизиологические механизмы, используя современные достижения науки.

В приведенных нами случаях раздвоения личности, «двойники» жили одновременно и параллельно, при сохранении актуального «я». Однако известны случаи, когда они могут поочередно «поглощать» друг друга, когда на смену одной личности приходит совсем другая, меняющая весь характер и поведение человека. Это поражает воображение мистически настроенных людей, укрепляет веру, что в нашем брэнном теле живет душа, что на смену одной может прийти другая или что в человека может вселиться нечистая сила (бес).

---

¹ У. Джемс. Психология. Спб., 1905, стр. 282—283.

ДУШЕВНЫЕ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Всем известный автор «Острова сокровищ» Роберт Льюис Стивенсон в 1886 г. написал повесть под названием «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда». В ней рассказывается о враче Джекиле, который открыл химическое вещество, с помощью которого он мог перевоплощаться в другого человека — мистера Хайда. Если лицо Гендри Джекиля светилось добротой, то физиономия Эдуарда Хайда являла нечто злое. По своей натуре это был отпетый мерзавец, находивший удовольствие в преступлениях и необузданной распушенности.

Основой для сюжета повести автору послужило сновидение, действие которого разворачивалось последовательно и в тончайших подробностях, а картины и образы были необыкновенно яркие. После пробуждения Стивенсон и задумал повесть, которая получилась таинственной и фантастической.

Давайте, читатель, зададимся с вами вопросом: на-

много ли автор в своей фантазии был далек от действительности?

На это лучше всего ответит следующая уже достоверная история.

В конце января 1887 г. в небольшой американский городок Норристаун прибыл мужчина средних лет. Отрекомендовавшись Брауном, он организовал торговлю канцелярскими товарами. Жил он в задних комнатах купленного им магазина, сам готовил пищу и регулярно ходил в церковь. За бумагой, карандашами и другими писчими принадлежностями он несколько раз ездил в Филадельфию. Жители городка быстро привыкли к этому жизнерадостному и приветливому человеку.

Но неожиданно для норристаунцев 14 марта этот человек стал метаться по городу, умоляя встречных людей сказать, в каком городе он находится, клянясь, что он вовсе не мистер Браун, как его называют эти незнакомые люди, а мистер Бёрн. Он убеждал всех, что он вовсе не торговец писчебумажными товарами, а проповедник из города Грина. Его жена, прибывшая из Грина, подтвердила, что он действительно не кто иной, как проповедник Бёрн, который 17 января внезапно исчез. Сам Бёрн, не проявлявший прежде ни малейшей склонности к торговле, не мог объяснить, каким образом он превратился в Брауна и как оказался в Норристауне. Теперь же он вернулся в Грин к своей жене, детям и пастырским обязанностям, но... Что случилось с ним дальше, мы расскажем несколько ниже, а сейчас для понимания подобных случаев надо остановиться на некоторых вопросах, связанных со структурой личности.

1. Загадка нашего «я»

Когда говорят «мое «я»», то обычно имеют в виду в высшей степени личное, интимное ощущение своего бытия в мире. Наше «я» в первую очередь связано с самосознанием, то есть осознанием себя как устойчивой, определенной единицы, имеющей свое лицо, индивидуальность, которая сохраняется независимо от меняющихся ситуаций.

Развитие психики ребенка начинается со смутных переживаний, в которых еще нет разделения на «я» и «не-я». Но по мере того как он начинает манипулировать с предметами и наблюдать за результатами своих действий, ребенок познает не только предметы, с которыми действует, но и самого себя. В процессе этой деятельности ребенок приходит не только к осознанию (знанию) окружающей среды, но и к осознанию своих действий с предметами, того, что причиной этих действий является он сам. И если сознание является знанием о внешнем мире, о других людях, то самосознание — это знание о самом себе.

В развитии ребенка большую психологическую роль приобретает зеркало. С помощью зеркала он составляет представление о своем физическом облике, что в дальнейшем позволяет ему не только иметь представление о себе, но и «проигрывать» свои действия в умственном плане (в воображении) и «видеть» себя в различных воображаемых ситуациях. Иногда это видение может принимать эдипический характер.

Например, вспоминая свое детство, обладавший феноменальной памятью Ш. рассказывал следующее: «Вот утро... Мне надо идти в школу... Уже скоро восемь часов... Надо встать, одеться, надеть пальто и шапку, галоши... Я не могу остаться в кровати... и вот я начинаю

злиться... Я ведь вижу, как я должен идти в школу... но почему «он» не идет в школу?.. Вот «он» поднимается, одевается... вот «он» берет пальто, шапку, надевает галоши... вот «он» уже пошел в школу... Ну, теперь все в порядке... Я остаюсь дома, а «он» пойдет. Вдруг входит отец: «Так поздно, а ты еще не ушел в школу?!»»¹

А уже взрослым этот удивительный человек мог переносить удаление зуба без наркоза, «видя», что в кресле сидит другой Ш. и что тому, другому, а вовсе не ему вырывают зуб.

Таким образом, в картине самосознания дано как бы двойное изображение: внешняя среда и сам человек в ней, то есть самосознание связано со способностью взглянуть на себя «со стороны». Благодаря этому у человека появляется возможность отделить себя от окружающей природы и от других людей. Самосознание дает «человеку возможность относиться к актам собственного сознания критически, т. е. отделять **все свое внутреннее** от всего приходящего извне, анализировать его и сопоставлять (сравнивать) с внешним — словом, изучать акт собственного сознания»². Самосознание нашего наличного бытия, сознание собственного существования позволяет нам выделить наше «я».

Человеческое «я» не статическое, а скорее динамическое понятие. «Я» меняется в процессе возрастных изменений, условий жизни, социального положения личности и т. д. Вот как выразил эту динамику Шекспир в комедии «Как вам это нравится»:

---

¹ А. Р. Лурия. Матерьяльная книжка о большой памяти. М., 1968, стр. 82.

² М. И. Сеченов. Избр. филос. и психологич. произв. М., 1947, стр. 504.

Весь мир — театр.
В нем женщины, мужчины — все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.
Семь действий в пьесе той. Сперва младенец,
Ревущий горько на руках у мамки...
Потом плаксивый школьник с книжной сумкой,
С лицом румяным, нехотя, улиткой
Ползущий в школу. А затем любовник,
Вздыхающий, как печь, с балладой грустной
В честь брови милой. А затем солдат,
Чья речь всегда проклятьями полна,
Обросший бородой, как леопард,
Ревнивый к чести, забияка в ссоре,
Готовый славу бrenную искать
Хоть в пушечном жерле. Затем судья
С брюшком округлым, где каплун запрятан,
Со строгим взглядом, стриженной бородкой,
Шаблонных правил и сентенций кладезь,—
Так он играет роль...

И тем не менее в развивающейся личности, в нашем самосознании есть какое-то общее устойчивое направление, которое, подобно цепочке из разных звеньев, тянется через всю нашу сознательную жизнь, сохраняя наше устойчивое «я». Вспоминая те или иные проделки в детстве, энтузиазм юношеских лет, взлеты мысли в зрелости и т. д., человек считает их своими. Это обуславливается тем, что все звенья нашего жизненного пути связаны между собой памятью. Почти все впечатления, эмоциональные состояния и реакции человека фиксируются памятью как своеобразной видеоманитофонной пленкой, которая в определенных условиях может воспроизводить свою «запись».

Впервые в эксперименте воспроизвести прошлый опыт личности (интеллект, двигательные навыки, эмоциональные состояния и т. д.) удалось немецкому психиатру Крафту-Эбингу. В 1893 г. он погрузил в гипнотический сон

33-летнюю женщину и внушил ей, что, когда она проснется, ей будет три года. После пробуждения эта взрослая женщина вела себя, как трехлетняя девочка.

В настоящее время точно установлено, что при внушении «регрессии возраста» происходит не бессознательное подражание особенностям детского поведения, а как бы реальное восстановление мировосприятия, навыков и мышления ребенка, которые, казалось бы, давно исчезли. Если человеку 46 лет внушить вначале, что ему восемь лет и попросить написать какую-нибудь фразу, затем внушить, что ему 15 лет, и тоже попросить что-нибудь написать, а после этого сравнить записи с почерком его сохранившихся школьных тетрадей, то они будут идентичны почерку соответственно внушенного возраста.

Советский психолог Н. А. Березанская для экспериментов с регрессией возраста привлекла актеров ТЮЗа. Перед ними ставилась задача перевоплотиться в пятилетних детей и отвечать на специально подобранные психологами вопросы так, как могли бы отвечать дети. Ни один из актеров не справился с этой задачей. Ответы же взрослых людей, которым внушили в гипнозе, что им пять лет, точно соответствовали интеллекту этого возраста. Вот некоторые примеры.

Испытуемая О.

— Почему солнце не падает?

— Потому что большое.

Испытуемая Т.

— Почему солнце не падает?

— Потому что оно к звездочкам привязано.

Испытуемая С.

— Почему луна не падает?

— Ее прибили.

— А кто прибил?

— Дядя с самолета.

Испытуемая Т.

— Речка живая?

— Да, она по камешкам бежит.

— Гора живая?

— Нет, она стоит. Стоит, и все.

— Поезд живой?

— Да, он людей возит.

Испытуемая О.

— Луна живая?

— Нет. Она светит плохо. Она совсем не нужна. У нас фонари есть.

— Что более живое — ящерица или ветер?

— Я не знаю, что такое ящерица.

— А что более живое — кошка или ветер?

— Я знаю сказку про ветер, про мороз и про месяц. Они все братья и в избушке жили. Ветер живой.

Очень интересны эксперименты, когда взрослому человеку внушается, что ему меньше года. Зрачки при этом сужаются, движения глазных яблок становятся несогласованными — каждый глаз двигается независимо от другого, а иногда глазные яблоки надолго застывают в положении косоглазия («плавающие» и «косые» глаза новорожденных).

То немногое, что мы рассказали о нашем «я», позволяет нам опять вернуться к мистеру Бёрну, который неожиданно превратился в Брауна, а затем так же внезапно вернулся в прежнее состояние. На его беду, о диковинных перевоплощениях узнал профессор Джемс, который подверг пастора гипнозу, чтобы проверить, не вернется ли в гипнотическом трансе его брауновская память. «Она вернулась и утвердилась так прочно, — писал впоследствии Джемс, — что изгнать ее было невозможно». Браун не узнал свою жену, вспомнил о всех подробностях жизни в Норристауне и навсегда исчез из Грина. Этот фено-

мен получил в психоневрологии название «двойственной личности».

Одной из причин феномена «двойственной личности» является нарушение в работе памяти. В какой-то момент «цепочка» разрывается, и человек как бы теряет свое прошлое. Люди, утратившие память, говорят: «Я понимаю, что я жив, но не знаю, кто я такой».

Основоположник русской психиатрии С. С. Корсаков приводит следующий случай. Одна девушка, пробудившись после продолжительного сна, внезапно потеряла память: разучилась читать, не узнавала знакомых и т. п. Мало-помалу она вновь научилась читать, писать, считать, стала узнавать окружающие предметы, лица людей. Несколько месяцев спустя она опять впала в глубокий сон и проснулась такою же, какой была до болезни: обладала всеми прежними знаниями, навыками и воспоминаниями юности, но зато совсем не помнила того, что было с нею в период болезни. Через некоторое время картина повторилась.

А вот другой не менее интересный случай, описанный французским психиатром Бинз. Шестнадцатилетний юноша работал в винограднике. Неожиданно он увидел совсем близко змею и от испуга упал в обморок. Когда он очнулся, его ноги оказались парализованными. Кроме того, в его психике обнаружились глубокие изменения. Он вел себя как в девятилетнем возрасте. Все, что было приобретено после девяти лет, оказалось полностью забытым. Парализованного юношу стали учить портняжному делу. Через шесть лет ему случилось пережить нервное потрясение, и он опять упал в обморок. Когда к нему вернулось сознание, то паралич ног исчез, а в памяти полностью восстановилась забытая полоса жизни и работа в винограднике. Что же касается его жизни в мастерской, то она была полностью забыта, а все портняжные навыки утрачены.

Впоследствии Бинз путем внушения в гипнотическом состоянии мог перевоплощать этого юношу из одной личности в другую. Если ему внушалось, что он работает в винограднике, то после пробуждения он свободно передвигался и имел различные навыки, но только не портняжные. Когда же ему внушалось, что он мальчик лет девяти-десяти, он просыпался с параличом ног и со всеми навыками, полученными в портняжной мастерской.

С. С. Корсаков считал, что «двойственная память» может проявляться при изменениях эмоционального состояния человека. Многие студенты знают эту закономерность по собственному опыту. Хорошо заученный в спокойной обстановке учебный материал вдруг вылетает из головы в результате стресса за столом у экзаменатора. О том, что в различных эмоциональных состояниях работают как бы разные памяти, говорят и наши эксперименты.

Испытуемый Ю. по своим личностным особенностям был человеком с обостренно и циклически сменяющимися эмоциональными состояниями: от угнетенности до приподнятого и жизнерадостного настроения, при явном преобладании последнего. В первый день его пребывания в сурдокамере в условиях одиночества по техническим причинам был сорван один важный эксперимент. Со своей стороны Ю. делал все от него зависящее, чтобы этот эксперимент состоялся.

По данным непосредственного наблюдения за испытуемым, а также по электрофизиологическим показателям, в тот день он находился в подавленном состоянии. В последующие дни его настроение было приподнятым, и он успешно проводил эксперимент, сорвавшийся не по его вине в первый день сурдокамерного испытания.

По завершении исследования во время отчета, отвечая на конкретно поставленный вопрос об исследованиях

первого дня, он совершенно неожиданно для всех присутствующих подробно и ярко рассказал, как успешно провел сорвавшийся эксперимент. Серьезность обстановки и непричастность испытуемого к срыву пробы полностью исключали сознательный обман. Мы пришли к выводу, что на фоне приподнятого настроения успешно повторяющийся эксперимент изгладил впечатление о срыве в первый день, когда у Ю. было плохое настроение. Полгода спустя, находясь в меланхолическом настроении, он неожиданно вспомнил о неудавшемся эксперименте.

О том, что эмоциональное состояние избирательно влияет на воспроизведение прошлого опыта, говорит и следующий факт. На шестой день сурдокамерного эксперимента испытуемый Г. был в явно тоскливом настроении. По условиям опыта он каждый день вскрывал конверт, в котором было задание провести репортаж на ту или иную тему. В тот день заданием «навязанного репортажа» ему предлагалось рассказать что-нибудь смешное, но испытуемый категорически отказался. По окончании испытания Г. так объяснил причину своего отказа: «Предложение рассказать смешное настолько не соответствовало моему настроению, что представлялось совершенно неприемлемым и неуместным. Ничего веселого вспомнить не удалось. В голову лезли не смешные, а скорее грустные мысли и воспоминания».

Приведенные наблюдения свидетельствуют, что память избирательно, в зависимости от эмоционального настроения, вызывает оптимистические или пессимистические воспоминания, а это в какой-то степени создает феномен «двойственной личности».

В приведенных наблюдениях различные эмоциональные состояния обуславливались не только внешними обстоятельствами, но и внутренними причинами — выделе-

нием в организме сложных химических веществ железами внутренней секреции.

«Двойственная память» образуется у некоторых людей и при употреблении алкоголя, когда изменяется не только эмоциональное состояние, но и «поток сознания». Если опьянение с наступающим вместе с ним определенным психологическим состоянием у таких натур становится привычным, то их «вторая» (опьяненная) личность постепенно утверждается все более и более, приобретая определенный стиль поведения, обзаводясь своим кругом знакомых. В одном из фильмов Чарли Чаплина с большой психологической достоверностью показан миллионер, который в пьяном виде очень охотно общался с нашим милым бродягой, всюду возил его с собой, но, как только трезвел, переставал узнавать.

Обобщая клинические наблюдения и экспериментальные данные, можно утверждать, что феномен «двойственной личности» обуславливается какими-то сложными изменениями в нервной системе, которые вызываются нарушением обменных процессов в организме. Но сразу же следует оговориться, что нельзя объяснить переход одной личности в другую только биологическими причинами. В возникновении этих сложных психических явлений мы обязательно должны учитывать воздействие и социальных факторов.

2. Кристаллизация таланта

В 1923 г. советский физиолог А. А. Ухтомский обнаружил, что в коре полушарий головного мозга могут возникать очаги стойкого возбуждения, которые он назвал доминантами (слово «доминанта» с латинского переводится как «господствовать»). Господство очага возбужде-

ния проявляется, во-первых, в том, что он как бы притягивает нервную энергию из других работающих центров коры головного мозга, суммирует ее и тем самым усиливает себя. Во-вторых, доминирование такого очага затормаживает другие работающие нервные центры и соответствующие представления, не входящие в состав доминанты. Поэтому, пока существует доминанта, она по своему преобразует и направляет всю нервную деятельность. Например, у голодного животного из желудочно-кишечного тракта и других внутренних органов в центральную нервную систему поступают нервные импульсы о недостаточности питательных веществ в организме. Под влиянием этих сигналов возникает пищевая доминанта, которая и обусловит поведение животного: оно выходит на охоту. По такому же принципу образуются и действуют оборонительная, половая и другие доминанты.

Доминанты биологического порядка, составляющие основу инстинктивного поведения, у человека контролируются доминантами высшего порядка, возникающими в коре полушарий головного мозга в результате воспитания в социальной среде.

У человека, обладающего сильным типом высшей нервной деятельности, в коре головного мозга преобладает доминанта основного ядра личности, и благодаря этому он легко справляется с возникающими доминантами противоположного характера. У лиц же с ослабленной нервной системой или страдающих истерией в результате ярких эмоционально насыщенных представлений может возникнуть другая доминанта. Вокруг нее начинается «кристаллизироваться» вторичная личность, которая из арсеналов памяти избирательно вызывает нужные представления и вырабатывает образ поведения, соответствующий той или иной роли.

Перевоспложение человека в другую личность воспроевизводилось в опытах с гипнозом. Скромному конторскому работнику внушалось, что он Наполеон. И этот человек моментально изменяет осанку, интонацию голоса и начинает командовать. В бодрствующем состоянии такая игра оказывается ему совершенно не под силу. Такие опыты были известны еще в прошлом веке. Но только в последние годы советским исследователям в интереснейших экспериментах удалось более глубоко вскрыть психофизиологический механизм этого феномена.

В одной серии экспериментов испытуемому в гипнотическом состоянии внушалось, что он известный художник, например Репин или Рафаэль. Затем ему предлагалось нарисовать портрет с натуры. Испытуемыми были студенты различных вузов, никогда не занимавшиеся специально рисованием. Для контроля рисовали такие же студенты, но не в состоянии гипноза. В отличие от контрольной группы, у испытуемых отмечалась более тонкая способность воспринимать объект, уверенность и изобретательность в воспроизведении его, одним словом, пробуждались подспудно дремавшие художественные способности. Успехи были столь разительны, что экспериментаторы в ноябре 1972 г. даже смогли организовать выставку рисунков в Центральном выставочном зале в Москве. Специалисты-художники и педагоги художественных учебных заведений довольно высоко оценили достижения испытуемых. Профессор Института им. Сурикова М. В. Моторин, например, сказал, что столь быстро научиться рисованию в обычных условиях они бы не смогли.

В одном из опытов (в серии экспериментов на игру в шахматы) в психологическую лабораторию был приглашен экс-чемпион мира гроссмейстер Михаил Таль, который сыграл с одним из испытуемых шесть партий. Три партии испытуемый играл в обычном состоянии, а еще

три — в состоянии гипноза, когда ему внушили, что его манера игры обладает всеми достоинствами игры выдающегося шахматиста прошлого Поля Морфи. После сеанса Михаил Таль сказал: «До гипноза я играл с человеком, едва передвигавшим фигуры. В состоянии гипноза передо мной сидел совсем другой человек — экспансивный, энергичный, смелый, который играл на два разряда лучше»¹.

Аналогичные исследования были проведены также со студентами Московской консерватории. И если молодому человеку внушалось, что он обладает талантом выдающегося музыканта, например С. Рахманинова или Ф. Крейслера, он на несколько порядков выше проявлял свои исполнительские способности.

Мы видим, что в этих экспериментах при перевоплощении одной личности в другую не только внешне изменяется поведение человека соответственно представлению о той или иной исторической личности, но с новой ролью коренным образом изменяется и само личностное мировосприятие. Появляется наблюдательность художника, слух музыканта и т. д. В соответствии с внушенной ролью изменяется и мышление. Все когда-то случайно просмотренные партии шахматистов, их тактика игры актуализируются, и испытуемый реализует их в конкретной ситуации. В другом случае он как-то воспроизводит своеобразие стиля того или иного художника, утвержденного им живописного языка, насколько это позволяет его представление о том, как работает художник. В какой-то степени репродуцируются двигательные навыки виртуозов-музыкантов, за игрой которых испытуемому при-

---

¹ О. К. Тихомиров, В. Л. Райков, Н. А. Березовская. Об одном подходе к исследованию мышления как деятельности личности. В сб. «Психологические исследования творческой деятельности». М., 1975, стр. 183—184.

шлось наблюдать. Внушенное представление о гениальности испытуемого как бы придает решительность и уверенность его действиям. Происходит кристаллизация потенциального таланта.

Душевные перевоплощения имеют место не только при истощении нервной системы, истерии, в состоянии гипноза, но и в процессе художественного творчества.

3 «Чудо» Луизы Лато

Создавая теорию сценического искусства, К. С. Станиславский пришел к выводу, что для воплощения жизни героя на сцене недостаточно механического воспроизведения внешней линии его поведения, но требуется личностное перевоплощение актера в исполняемый персонаж. В процессе перевоплощения стремления, цели, надежды и чувства героя должны стать на время игры сокровенными чувствами, стремлениями самого артиста. По мысли К. С. Станиславского, артист перед выступлением должен загримироваться не только внешне, но, главное, душевно. Он писал: «...механически любить, страдать, ненавидеть и выполнять живые человеческие задачи моторным способом, без всякого переживания... нельзя»¹.

Как же происходит перевоплощение личности у артиста?

Прежде всего ему нужно соответственным образом «настроиться», мобилизоваться — должна возникнуть общая нужная установка. Приступая к подготовке роли, артист в своем распоряжении имеет текст пьесы. Помимо этого из книг и разговоров с режиссером он узнает об

---

¹ К. С. Станиславский. Работа актера над собой. М., 1938, стр. 249.

эпохе, в которой жил герой, о нравах того времени, обычаях и т. д. Все это он должен переработать в своем воображении. Например, исполнитель шекспировского Гамлета должен войти в эпоху средневековья и сродниться с жизнью принца Датского.

Однако, если в условиях одиночества и тишины, возможно, не так уж и трудно перенестись в своих грезах в иной мир, то на сцене воображаемый мир вступает в явный конфликт с реальностью. Вместо нежной Офелии артист видит загримированную партнершу, средневековый замок нарисован на холсте. А кроме того, артиста не покидает чувство собственного «я».

Для того чтобы произошло перевоплощение, Станиславский рекомендует применять магическое «если бы». Этот прием позволяет артисту воспроизвести в воображении свое представление о герое, об обстановке, в которой он живет, и отвлечься от непосредственной действительности. «Чем больше внимания сосредоточит актер на своих действиях, производимых за изображаемое лицо, тем больше он будет чувствовать себя этим лицом»¹. Вокруг созданной соответствующей установкой доминанты «кристаллизуется» сценический образ, который начинает жить как бы собственной жизнью. Но полного перевоплощения в этих случаях не происходит.

В отличие от двойников, выскальзывающих из-под контроля актуального «я» в случаях «психического автоматизма», сознание актера контролирует и направляет действия вызванного к жизни сценического образа. И в этой двойственной жизни, в этом равновесии между жизнью и игрой состоит искусство актера. Утрата контроля за сценическим образом, полное перевоплощение

П. В. Симонов. Метод К. С. Станиславского и физиология эмоций. М., 1962, стр. 76.

артиста в исполняемую роль приводит к натурализму, к примитивному воспроизведению жизни без эстетического преломления.

О том, насколько важно во время игры удерживать обе доминанты, в одной из которых воплощено актуальное «я» актера, а в другой — сценический образ, выразительно сказал в одном из писем Ф. И. Шаляпин: «Когда я пою, воплощаемый образ предо мною всегда на смотрю. Он перед моими глазами каждый миг. Я пою и слушаю, действую и наблюдаю. Я никогда не бываю на сцене один... На сцене два Шаляпина. Один играет, другой контролирует... Бывает, конечно, что не овладеваешь собственными нервами. Помню, как однажды, в «Жизни за царя»... я почувствовал, как по лицу моему потекли слезы. Я испугался и сразу сообразил, что плачу я, растроганный Шаляпин, слишком интенсивно почувствовав горе Сусанина, то есть слезами лишними и ненужными,—и я мгновенно сдержал себя, охладил. «Нет, брат,—сказал контролер,—не сентиментальничай. Бог с ним, с Сусаниным. Ты уж лучше пой и играй правильно»¹.

Чувство перевоплощения в своем творчестве очень часто испытывают и писатели. Для этого, как и артисты, они черпают знания не только в литературе, но и в своем жизненном опыте и сами ищут нужные им жизненные наблюдения. Бальзак переодевался в платье простых людей и становился свидетелем их разговоров и споров. «Слушая этих людей,—писал он,—я приобщался к их жизни... Вместе с ними я негодовал против хозяев, которые их угнетали, против бессовестных заказчиков, которые не платили за работу и заставляли понапрасну обивать пороги. Отрешаться от своих привычек, в каком-то душевном

Ф. И. Шаляпин. Литературное наследство. Письма, т. 1. М., 1957, стр. 303.

опьянении преображаться в других людей, играть в эту игру по своей прихоти — было моим единственным развлечением. Откуда у меня такой дар? Что это — ясновидение? Одно из тех свойств, злоупотребление которыми может привести к безумию? Я никогда не пытался определить источник этой способности; я обладаю ею и применяю ее — вот и все»¹.

Бальзак обладал способностью, подобно индийскому божеству Вишну, перевоплощаться в разных людей и жить в их роли сколько угодно. Он их не копировал, а жил их жизнью в своем воображении, усваивал их обычаи, превращался в них. Он видел их фигуры, наблюдал за их действиями, живо интересовался развитием их жизни и этими наблюдениями делился с близкими. Он говорил о героях своих романов, как о реальных людях.

Был случай, когда хороший знакомый Бальзака писатель Жюль Сандо рассказывал ему о своей тяжело больной сестре. Бальзак, погруженный в развертывающиеся события романа, над которым работал тогда, прервал его и сказал: «Очень хорошо, дорогой, но теперь вернемся к действительности, поговорим о «Евгении Гранде»»².

Эта способность и позволила Бальзаку наделить образы «Человеческой комедии» глубоко индивидуальными чертами. «Настоящая красная кровь течет в их жилах вместо чернил, которые вливают своим героям обыкновенные авторы», — писал Теофиль Готье. Это же можно сказать о А. С. Пушкине, Л. Н. Толстом и о других корифеях литературы.

Творческий писательский процесс, как и игра актеров, в подавляющем большинстве случаев сопровождается как бы раздвоением личности. Обычно автор не теряет

¹ О. Бальзак. Собр. соч., т. 7. М., 1953, стр. 341.

² Цит. по: М. Арнаудов. Психология литературного творчества, стр. 166.

чувства собственного «я». Образ, вызванный к жизни воображением писателя, как бы начинает жить самостоятельно, но постоянно находится под контролем сознания его творца. «Я, как провидение,—пишет французский драматург Кюрьель,—которое управляет своими созданиями, не уничтожая их свободу»¹. Но так же, как и в сценическом искусстве, здесь возможно иногда полное перевоплощение, полное вчувствование в переживания героя и в ту эпоху, в которой он живет. Гете рассказывал, что когда он писал «Вертера», то был подобен лунатику, жил в каком-то забытьи и внутреннем жаре, не отличая поэтического от действительного. После окончания работы он даже боялся перечитать свой роман, чтобы снова не впасть в «патологическое» состояние, в котором он его писал.

Болгарский искусствовед М. Арнаудов считает, что, когда вживание, перевоплощение становится слишком интенсивным и продолжительным, когда писателю приходится переходить от действительности к поэзии и от поэзии к действительности, эта смена не может не вносить в душу художника большую дисгармонию. В подтверждение этой мысли он приводит следующее свидетельство французского драматурга Поля Эрвье: «Когда творю, я живу среди невзрачного общества моей драмы, и это состояние отчуждает от настоящей жизни, мне нужно время и усилие, чтобы выйти из этого отвлеченного, неопределимого состояния»².

Все творчество Флобера было связано с вживанием в характеры, с переходом в мир своих героев, с их страданиями и радостями. Вот как описывает он свои переживания, когда действие дошло до сцены отравления

---

¹ Цит. по: М. Арнаудов. Психология литературного творчества, стр. 410.

² Там же, стр. 256.

Эммы Бовари: «Воображаемые лица волнуют меня, преследуют, или скорее я сам переносюсь в них. Когда я описывал отравление Эммы Бовари, на самом деле ощутил во рту вкус мышьяка, чувствовал, что отравился, дважды мне становилось не на шутку плохо, так плохо, что меня даже вырвало»¹.

Диккенс сообщает, что, когда он дописывал свой рассказ «Колокола», лицо его вздулось и надо было прятать его, чтобы не казаться смешным: «Такую муку и волнение духа испытывал, как будто этот случай произошел в действительности»².

Живя на острове Капри, Максим Горький работал над второй частью повести «Город Окуров». В ней есть эпизод, когда муж в припадке ревности убивает ножом свою жену. Когда он описывал эту сцену, жена его Мария Федоровна Андреева услышала, как он вскрикнул в кабинете и как что-то тяжелое упало там на пол. Когда она вбежала туда, то увидела следующее: «На полу около письменного стола во весь рост лежит на спине, раскинув руки в стороны, А. М. Кинулась к нему — не дышит! Приложила ухо к груди — не бьется сердце! Что делать?.. Расстегнула рубашку... чтобы компресс на сердце положить, и вижу — с правой стороны от соска вниз тянется у него по груди розовая узенькая полоска... А полоска становится все ярче и ярче и багровее...

— Больно как! — шепчет...

— Да ты посмотри, что у тебя на груди-то!

— Фу, черт!.. Ты понимаешь... Как это больно, когда хлебным ножом крепко в печень!..

С ужасом думаю — заболел и бредит!..

Несколько дней продержалось у него это пятно. По-

---

¹ Цит. по: М. Арнаудов. Психология литературного творчества, стр. 255.

² Там же.

том побледнело и совсем исчезло. С какой силой надо было переживать описываемое?»¹

Горький до такой степени ярко представил боль, ее ощущение, рану этой женщины, что у него образовалась стигма.

«Стигма» с греческого языка переводится как «клеймо», которое ставили на теле раба или преступника, «рана». В дальнейшем стигмами стали называть различные кожные расстройства (кровоточащие изъязвления, отеки и т. п.), возникающие у религиозных фанатиков.

Бельгийская девушка Луиза Лато в конце прошлого века прославилась тем, что в страстную пятницу у нее на руках и ногах, где, по преданию, были вбиты гвозди распятому Иисусу Христу, появлялись кровоточащие раны. Это необычное явление служителями церкви было преподнесено как чудо. К местечку, где жила Луиза, потекли верующие.

Для исследования столь необычного случая Бельгийская академия наук создала даже особую комиссию. Перед очередным праздником одну из рук девушки тщательно забинтовали и опечатали. В страстную пятницу печати были вскрыты, повязка снята, и изумленные члены комиссии стали свидетелями того, как и на этой руке у девушки все явственнее стали проступать кровоточащие раны.

В наши дни подобные стигмы появляются у фанатически верующей баварской крестьянки Терезы Нейман, к которой и поныне стекается много верующих.

Из истории религии известно, что стигмы появлялись у основателя католического монашеского ордена фран-

---

М. Ф. Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1961, стр. 164.

цисканцев Франциска Ассизского, жившего в XII столетии.

Стигмы возникают не только на религиозной основе. Известен случай, когда сестра, присутствовавшая при наказании плетью любимого брата, так сопереживала ему во время экзекуции, что ее спина покрылась кровоточащими рубцами.

Вольтер ежегодно заболел на годовщину Варфоломеевской ночи. Мысли об этом событии, когда были убиты тысячи невинных людей, павших жертвой религиозного фанатизма, вызывали у него приступ лихорадки: повышалась температура, резко ускорялся пульс.

Как же можно объяснить подобные случаи?

Очевидно, что как у религиозных фанатиков, так и у далеких от религии людей при возникновении стигм ведущую роль играет воображение. Разница заключается в том, что в воображении Луизы Лато представлялись мучения богочеловека Иисуса Христа, тогда как в воображении Флобера, Диккенса, Горького и других писателей возникали представления о переживаниях и страданиях героев их художественных произведений.

Но каким образом воображение может вызывать такие изменения в организме, которые обычно вызываются физическими или медикаментозными воздействиями?

Все наши мысли и чувства связаны с работой головного мозга, и в частности с его корой. Кора полушарий головного мозга через подкорковые образования и спинной мозг посредством нервов («проводников») связана со всеми внутренними органами, сосудами и кожными покровами. Обычно нашему произвольному (волевому) управлению «подчиняются» только мышцы нашего тела, а работа внутренних органов протекает как бы независимо, автономно. Выяснилось, однако, что образные пред-

ставления, сопровождающиеся эмоциональными реакциями, могут повлиять не только на работу таких внутренних органов, как сердце (при эмоциональных переживаниях ритм работы сердца меняется), но и вызвать местные изменения кожного покрова, которые сопровождаются изъязвлением с последующим кровотечением, отеками и т. д.

Для понимания таких явлений несомненный интерес имеют исследования, которые проводились на протяжении нескольких лет профессором А. Р. Лурия с упоминавшимся нами ранее мнемонистом Ш. Этому удивительному испытуемому достаточно было что-нибудь себе представить, или, как он говорил, «видеть», и можно было наблюдать поразительные перемены, происходившие в его теле. «В специальных опытах,— пишет А. Р. Лурия,— мы могли наблюдать, как он мог повысить температуру правой руки на 2° и понизить температуру левой руки на $1,5^{\circ}$; для этого ему было достаточно увидеть, что его правая рука лежит на краю плиты, а левой он держит кусок льда. Без большого труда он ускорял ритм работы сердца («видя» себя бегущим за трамваем) или замедлял его («видя» себя спокойно лежащим в постели)»¹.

Появление стигм у здоровых людей можно вызвать в результате внушения в гипнотическом состоянии. Человеку прикладывается холодная монета и внушается, что она раскалена. Через некоторое время может появиться волдырь, как при ожоге второй степени. Выяснилось также, что в основе мнимого ожога и стигм лежат условно-рефлекторные реакции, то есть они могут возникнуть только у тех лиц, которым случилось хотя бы раз в жизни получить настоящий ожог или кровотокающую рану.

---

¹ А. Р. Лурия. Память и строение психических процессов.— «Вопросы психологии», 1960, № 1, стр. 155.

СО ВРЕМЕН ГАЛИЛЕЯ

[Вместо заключения]

На XII съезде естествоиспытателей и врачей, который состоялся 28 декабря 1909 г. в Москве, И. П. Павлов свой доклад «Естествознание и мозг» начал так: «Можно с правом сказать, что неудержимый со времен Галилея ход естествознания впервые заметно приостанавливается перед высшим отделом мозга, или, общее говоря, перед органом сложнейших отношений животных к внешнему миру. И казалось, что это — недаром, что здесь — действительно критический момент естествознания, так как мозг, который в высшей его формации — человеческого мозга — создавал и создает естествознание, сам становится объектом этого естествознания»¹.

Конечно, в деятельности мозга еще много нерешенных проблем и нераскрытых закономерностей. Но в отличие от религиозного мировоззрения, которое базируется на слепой вере в догматы, материалистическая наука ясно ставит еще нерешенные вопросы и тем самым «толкает,— как писал В. И. Ленин,— к дальнейшим экспериментальным исследованиям»², к их разрешению.

---

¹ И. П. Павлов. Полн. собр. соч., т. III, кн. 1, стр. 113.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 40.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 3

ВИДЕНИЯ ОРЛЕАНСКОЙ ДЕВЫ 5

1. Встреча с привидением 8
2. Сурдокамера и келья отшельника 15
3. Истина глаголет устами младенцев 23

ОЗАРЕНИЕ 29

1. «Божественные истины», открывшиеся бвшмачнику 30
2. Тайна подсознательной деятельности 35
3. «Сумасшедшие идеи» 41

ПРИЗРАК В РОЛИ СОБЕСЕДНИКА 47

1. Наедине с собой 49
2. Вольный моряк из экипажа Колумба 59

ДУШЕВНЫЕ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ 64

1. Загадка нашего «я» 66
2. Кристаллизация таланта 74
3. «Чудов» Луизы Лато 78

СО ВРЕМЕН ГАЛИЛЕЯ (Вместо заключения) 87

Владимир Иванович Лебедев

«Тайны» психики без тайн.

**О «таинственных» явлениях
человеческой психики.**

Заведующий редакцией А. В. Белов

Редактор М. М. Беляев

Младший редактор Г. И. Жарикова

Художник В. А. Тогобицкий

Технический редактор Н. П. Межеричная

ИБ № 547

Сдано в набор 3 марта 1977 г. Подписано в печать 25 мая 1977 г. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 3,85. Учетно-изд. л. 3,62. Тираж 200 тыс. экз. А 00063. Заказ № 1577. Цена 15 коп. Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Мнусская пл., 7. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16,

15 коп.

